

ВЕСЕОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

343

И 851 ч.

М. М. ИСАЕВ

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦКЮ СССР

МОСКВА
1938

Ф 238743

88

134

88

-69

88

2000

2000

238743

015800

11
12
13
14
15

16

17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

М. М. ИСАЕВ

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

238743
О
ЭЖ
АРХИВ

1944 г.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

Настоящая работа представляет собой один из выпусков учебника по курсу социалистического уголовного права (Особенная часть, Имущественные преступления) для юридических институтов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Понятие имущественных преступлений в социалистическом уголовном праве	3
<i>Глава вторая.</i> Понятие имущественных преступлений в буржуазном уголовном праве	8
<i>Глава третья.</i> Система имущественных преступлений в буржуазной теории уголовного права	13
<i>Глава четвертая.</i> Советская теоретическая система имущественных преступлений	18
<i>Глава пятая.</i> Кража	23
§ 1. Общее понятие	23
§ 2. Виды кражи	26
<i>Глава шестая.</i> Грабеж и разбой	37
§ 1. Грабеж	37
§ 2. Разбой	39
<i>Глава седьмая.</i> Вымогательство	42
<i>Глава восьмая.</i> Мошенничество	46
§ 1. Общее понятие	46
§ 2. Виды мошенничества	50
§ 3. Преступления, примыкающие к мошенничеству	53
<i>Глава девятая.</i> Ростовщичество	60
<i>Глава десятая.</i> Присвоение	63
<i>Глава одиннадцатая.</i> Укрывательство имущества, добытого преступлением	68
<i>Глава двенадцатая.</i> Истребление и повреждение имущества	70
<i>Глава тринадцатая.</i> Посягательства на авторские права	78
§ 1. Общее понятие	78
§ 2. Уголовно-наказуемые нарушения Положения об изобретениях	79
§ 3. Уголовно-наказуемые нарушения авторских прав на литературные, музыкальные и иные художественные и научные произведения	82
§ 4. Нарушения правил о производственных марках и товарных знаках и права на фирму	86

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОНЯТИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

1. Понятие «имущественные преступления» получило в социалистическом уголовном праве совершенно новое содержание с самого первого дня Великой Октябрьской социалистической революции.

26 октября 1917 г. на II съезде советов, вслед за декретом о мире, был принят и предложенный Лениным декрет о земле. Декрет объявлял: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа». Конфисковались помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями.

И тем же декретом объявлялась тяжким преступлением, караемым революционным судом, «какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу».

В период проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в период гражданской войны (1917—1920 гг.) советской властью был издан ряд декретов, направленных против расхищения социалистической собственности — имущества национализированных фабрик и заводов, транспортных грузов и т. п. Эта борьба продолжалась и в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.)¹.

Остановливаясь на изменениях в жизни СССР за период с 1924 г. до 1936 г., товарищ Сталин в своем докладе на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов о проекте Конституции Союза ССР сказал: «Что имели мы в 1924 году? Это был первый период нэпа, когда Советская власть допустила некоторое оживление капитализма при всемерном развитии социализма, когда она рассчитывала на то, чтобы в ходе соревнования двух систем хозяйства, капиталистической и социалистической, организовать перевес социалистической системы над капиталистической. Задача состояла в том, чтобы в ходе этого соревнования укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов и завершить победу социалистической системы, как основной системы народного хозяйства»².

¹ История советского законодательства в области уголовно-правовой охраны социалистической собственности подробно излагается в работе «Государственные преступления».

² Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР, Партиздат, 1936 г., стр. 11.

На этот период восстановления народного хозяйства приходится и кодификация советского уголовного законодательства — издание УК РСФСР 1922 г. и УК других союзных республик. В УК РСФСР 1922 г., равно как и во всех УК других союзных республик, имелась особая глава — «Имущественные преступления».

Было бы совершенно неправильно думать, что внесение в советский УК главы, предусматривающей охрану имущества и частных лиц, означало «рецепцию», заимствование из буржуазного права. В буржуазных УК постановлениями об «имущественных преступлениях» охранялась и охраняется частная собственность как основа экономических отношений капиталистического общества. Советский УК имел своей целью содействовать задаче «укрепить позиции социализма, добиться ликвидации капиталистических элементов».

И действительно, не только в ряде статей главы об имущественных преступлениях посягательства на социалистическую собственность наказывались строже, чем посягательства на имущество частных лиц, например, кража, мошенничество (пп. «г», «з» ст. 180; ст. 188). Посягательства на социалистическую собственность предусматривались и рядом статей других глав УК: присвоение социалистического имущества — ст. 113 главы о должностных преступлениях, расточение арендатором предоставленных ему государственных средств производства — ст. 129 главы о хозяйственных преступлениях, злостное неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием, — ст. 130 той же главы.

Для борьбы с кулачеством в самой главе об имущественных преступлениях имелась ст. 193, предусматривавшая специально так называемое сельское ростовщичество. Той же цели служили постановления УК об отказе от внесения налогов, денежных и натуральных, сокрытии или неверном показании о размерах посевной площади, количестве скота и т. п. (ст. ст. 78—80 главы о преступлениях против порядка управления).

В 1924 г., как указывал товарищ Сталин, «социалистический сектор в товарообороте составлял каких-нибудь 50—60 процентов, — не больше, а все остальное поле было занято купцами, спекулянтами и прочими частниками»¹. УК 1922 г. предусматривал в главе о хозяйственных преступлениях искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев (ст. 137), скупку и сбыт в виде промысла продуктов, материалов или предметов, в отношении которых имелось специальное запрещение или ограничение (ст. 139), нарушения правил о торговле (ст. 141), спекуляцию с иностранной валютой (ст. 138) и нарушение государственных монополий (ст. 136).

Все эти и многие другие постановления, в том числе и статья об экономической контрреволюции (ст. 63), укрепляли позиции

¹ Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР, Партиздат, 1936 г., стр. 12.

социализма и резко отличали наш УК от буржуазных кодексов. И в самой главе об имущественных преступлениях содержались постановления, совершенно чуждые буржуазному праву. Так, по ст. 196, при наличии определенных условий, за умышленное истребление или повреждение имущества мог быть привлечен к ответственности и собственник его, хотя бы это истребление или повреждение и не было совершено общеопасным способом.

Конечно, постановления УК 1922 г. о краже, присвоении, мошенничестве и т. п. охраняли имущество и имущественные интересы и отдельных лиц, в том числе и нетрудящихся, но совершенно ясно, что этим защищался не институт частной собственности, как таковой, а революционный правопорядок, о котором в ст. 5 УК говорилось при определении понятия преступления и который требовал борьбы с паразитическими способами приобретения имущества, борьбы с деклассированными элементами.

Ленин в своем выступлении о мерах борьбы с голодом в январе 1918 г. говорил: «Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет... с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте»¹.

В период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.), на основе принятых Союзом ССР в 1924 г. «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», был издан УК РСФСР 1926 г., а также переизданы УК других союзных республик. Система УК 1926 г. осталась той же; была в частности сохранена, как и в УК других союзных республик, глава об имущественных преступлениях.

В этот период успешно шла ликвидация капиталистических элементов как в промышленности, так и в товарообороте, и укрепление социалистического сектора народного хозяйства. В период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.) был издан закон 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Подробный анализ этого закона дается в работе «Государственные преступления», но его, конечно, необходимо иметь в виду при изложении имущественных преступлений. Ведь именно этот закон провозгласил, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна».

2. В 1935—1937 гг. в нашей стране было завершено строительство социалистического общества и была проведена новая Конституция. Понятие имущественных преступлений по действующему советскому уголовному праву (УК РСФСР 1926 г. и УК других союзных республик) может быть дано лишь в свете Сталинской Конституции, являющейся, по определению товарища Сталина, регистрацией и законодательным закреплением тех завоеваний, которые уже добыты и обеспечены. Вместе с тем, Сталинская Конституция является «юридической базой», на ко-

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. XXII, стр. 243.

торую должна опираться вся система советского права, в том числе и уголовного права.

Составляя в своем докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов положение нашей страны в 1936 г. и в 1924 г., товарищ Сталин указал, что в области экономики «капитализм изгнан вовсе из сферы нашей промышленности, а социалистическая форма производства является теперь безраздельно господствующей системой в области нашей промышленности»... «Кулачество в сельском хозяйстве ликвидировано, а сектор мелких единоличных хозяйств... занимает теперь незначительное место... в смысле размера посевных площадей составляет не более 2—3 процентов»... «Весь товарооборот находится теперь в руках государства, кооперации и колхозов».

«Таким образом, — говорил товарищ Сталин, — полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом»¹.

Соответственно этому и в Конституции сказано, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, в форме государственной или кооперативно-колхозной собственности (ст. ст. 4 и 5).

Наряду с этой собственностью Сталинская Конституция предусматривает в ст. 10 и «право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства».

Эта советская личная собственность ничего общего не имеет с частной капиталистической собственностью, хотя бы последняя и состояла в имущественных объектах, указываемых в ст. 10 Конституции. Советская личная собственность органически связана с социалистической собственностью. Она основана на труде, право на который «обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (ст. 118). В СССР, как указывается в Конституции (ст. 12), осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому — по его труду». Но в связи с «неуклонным ростом производительных сил советского общества» неуклонно растут и трудовые доходы граждан нашей страны.

Наряду с господствующей социалистической системой хозяйства Конституция допускает мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда (ст. 9).

3. В свете положений Сталинской Конституции становится вполне ясным и понятие *имущественных преступлений по действующему советскому уголовному праву*. Глава об имущественных преступлениях УК союзных республик охраняет, во-первых, со-

¹ Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР, Партиздат, 1936 г., стр. 13.

циалистическую собственность, поскольку посягательства на нее не предусмотрены другими главами УК, например, должностная растрата, бесхозяйственность и др., или не перерастают в государственные преступления, предусмотренные законом 7 августа 1932 г. или главой о государственных преступлениях.

Во-вторых, объектом имущественных преступлений является личная собственность граждан и частное хозяйство единоличников крестьян и кустарей.

Конституция говорит о личной собственности граждан. Но уголовно-правовой охраной должно пользоваться и имущество иностранцев, и не только тех, которым Конституция предоставляет право убежища (ст. 129), но и вообще находящихся на территории СССР. Подчиняясь нашим уголовным законам (ст. 1 Основных начал 1924 г.), они пользуются и соответствующей охраной этих законов.

Следует отметить, что хотя охрана имущества отдельных лиц предусматривается преимущественно в главе об имущественных преступлениях, посягательства против него также могут перерастать и в иного рода преступления. Так, нападения на отдельных граждан с целью их ограбления рассматриваются при известных условиях как бандитизм (ст. 59³ УК РСФСР 1926 г.). Ст. 128-в УК РСФСР обмеривание и обвешивание покупателей рассматривает не только как обман Советского государства, но и как «обворовывание потребителя». Разбой, грабеж, противозаконное уничтожение имущества — все действия, предусмотренные в главе об имущественных преступлениях, а равно противозаконное отобрание имущества у населения в районе военных действий рассматриваются среди воинских преступлений (ст. 193²⁸). Среди преступлений, составляющих пережитки родового быта (глава X УК РСФСР), мы встречаем «самовольное взятие скота или другого имущества» («баранта» — ст. 200).

Наконец, имущество отдельных граждан, поскольку оно составляет груз на железнодорожном или водном транспорте, приравнивается по своему значению к имуществу государственному и охраняется по закону 7 августа 1932 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОНЯТИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В БУРЖУАЗНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

1. Экономической основой капиталистического общества является частная собственность на землю, ее недра, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства. Буржуазный уголовный закон охраняет тем самым не «имущество» вообще, а экономические основы капиталистического общества.

Классическим кодексом, стоящим, по выражению Энгельса, «на почве социальных завоеваний» французской буржуазной революции¹, является гражданский кодекс Франции 1806 г., так называемый Кодекс Наполеона, действующий и по настоящее время.

Социальным завоеванием буржуазии является освобождение собственности от феодальных оков. Но, как указывает Энгельс, на деле это «освобождение собственности» означало для мелких буржуа и крестьян «освобождение от собственности». В то же время «быстрое развитие промышленности на капиталистическом основании скоро возвело бедность и страдания рабочих масс в необходимое условие существования общества»².

Лицемерием является провозглашение гражданским Кодексом Наполеона 1806 г. права частной собственности «вообще», безотносительно к тому, кто является его «субъектом», — фабрикант, помещик, банкир или мелкий лавочник, ремесленник, крестьянин-бедняк или рабочий. Одинаково «объектом» одного и того же права частной собственности являются и фабрики, и рудники, и поместья, и жалкие «орудия производства» мелкого крестьянина или домашний скarb рабочего.

В области уголовного буржуазного законодательства классическим является французский уголовный кодекс 1810 г. И в нем чрезвычайно ярко и наглядно нашли свое юридическое выражение «социальные завоевания» французской революции.

Особенная часть этого кодекса делится на два раздела: «преступления и проступки против публичного порядка» (*contre la chose publique*) и «преступления и проступки против частных лиц» (*contre les particuliers*).

Второй раздел распадается в свою очередь на две большие главы: «преступления и проступки против личности» (*contre les personnes*) и «преступления и проступки против собственности»

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1928 г., стр. 99.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1937 г., стр. 235.

(contre les propriétés). Таким образом, кодекс охраняет «собственность» вообще, как благо «отдельного частного лица».

Вера и убежденность буржуазии, пришедшей к власти, что частная собственность является основой всякого общественного строя, нашли яркое отражение в словах буржуазных французских криминалистов XIX века — Шово и Эли, в их многотомной «Теории уголовного кодекса». Идеализируя буржуазную собственность, они возводят ее в ранг всемирно-исторического института. Приступая к анализу «посягательств против собственности», они не пишут, а «декларируют»: «Собственность является основой всякого общества, его связью и силой; она является элементом цивилизации и порядка. Гражданский закон создает для нее правила и ставит границы, но он вместе с тем должен защищать ее от всяких нападений, которым она может подвергнуться, ибо, защищая ее, он защищает само общество»¹.

Предусматривая «нападения», которым может подвергнуться «собственность частных лиц», французский уголовный кодекс 1810 г. сводит их к трем основным видам. В связи с этим и глава о «преступлениях и проступках против собственности» подразделяется на три отделения (section):

Отд. I. Похищения² (ст. ст. 379—401).

Отд. II. Банкротство, мошенничество и другие виды обмана (ст. ст. 402—433):

§ 1. Банкротство и мошенничество (ст. ст. 402—405).

§ 2. Злоупотребление доверием (ст. ст. 406—409).

§ 3. Нарушение постановлений об игорных домах, лотереях и кассах ссуд (ст. ст. 410—411).

§ 4. Нарушение постановлений о публичных торгах (ст. 412).

§ 5. Нарушение постановлений о мануфактуре, торговле и искусствах (ст. ст. 413—429).

§ 6. Проступки поставщиков (ст. ст. 430—433).

Отд. III. Истребление, повреждение, причинение вреда (ст. ст. 432—462).

Из этой схемы «имущественных преступлений» видно, насколько кодекс 1810 г. последовательно проводил взгляд на них как на посягательство против интересов «частного лица». Под этим углом зрения рассматривались и стачки рабочих, предусматриваемые среди нарушений постановлений о мануфактуре.

Даже неисполнение договора о поставках и подрядах на армию и флот рассматривалось как нарушение частно-правовых обязательств, хотя и наказуемое в уголовно-правовом порядке³.

2. В эпоху империализма крупный капитал добывается того, что в ряде случаев служащие частных предприятий за нарушение

¹ Chauveau et Hélie, *Theorie du Code pénal*, 4 изд., 1862 г., т. V, стр. 2.

² Понятие «похищение» во французском праве охватывает не только тайное, но и явное похищение чужой движимой вещи, похищение как без насилия, так и с насилием.

³ Появление в уголовном кодексе 1810 г. статей 430—433 объясняется непрерывностью войн Наполеона,

ние имущественных интересов предпринимателей отвечают как за должностное преступление.

Так например, *английское* уголовное законодательство (закон 1906 г.) наказывает тюремным заключением до двух лет за принятие служащим взятки за действия во вред интересам того, чьим представителем он является. Закон 1916 г. о воровстве из общего понятия *larceny* («лярсни») выделил, как самостоятельное преступление, присвоение клерком или служащим имущества, вверенного им хозяином, *embezzlement* («эмбезлмент») и установил уголовную ответственность за «недобросовестное обращение в свою пользу» — *fraudulent conversion* («фродьюлент конвёршон») имущества агентом или комиссионером. И во *Франции* отразилось в уголовном законодательстве стремление приравнять частно-капиталистический аппарат к государственному. Закон 1919 г. отнес к числу должностных преступлений принятие служащим или занятым в коммерческом или промышленном предприятии взятки «за свои служебные действия или за воздержание от действий, входящих в круг его обязанностей». Судебная практика совершенно произвольно распространила этот закон и на случай перехода служащего до истечения срока договора найма на службу в другое частное предприятие, предоставившее более выгодные условия оплаты труда¹.

В странах, где к власти пришел фашизм, для охраны частной собственности издаются новые уголовные законы. Характерным в этом отношении является *итальянский* уголовный кодекс 1930 г.

В конце Особенной части этого кодекса (раздел XIII) говорится «о преступлениях против имущества». Первая глава раздела предусматривает преступления, «совершаемые путем насилия над вещами и лицами». Сюда входят традиционные: кража (ст. ст. 624—627), разбой (ст. 628), вымогательство (ст. 629), повреждение имущества (ст. ст. 635—639). Но вместе с тем появляются и такие новые составы, как «захват недвижимости» (ст. 632), «вторжение на участки или в здания» (ст. 633), «насильственное нарушение владения недвижимостью» (ст. 634). Эти составы преступлений итальянский фашизм ввел в уголовный кодекс, помня о революционном движении итальянского пролетариата и крестьянства в 1920 и 1921 гг., вылившемся, между прочим, и в захвате фабрик и помещичьих имений. Вторая глава раздела предусматривает преступления против имущества, «совершаемые путем обмана», — мошенничество, присвоение, укрывательство добытых преступлением вещей (ст. ст. 640—648).

Наряду с традиционным разделом об «имущественных преступлениях», в фашистский итальянский уголовный кодекс включен новый (VIII) раздел «о преступлениях против общественного хозяйства, промышленности и торговли».

Первая глава этого раздела предусматривает преступления «против общественного хозяйства».

¹ Levy-Caen, De la corruption des employés en droit français et en droit anglais, 1934 г.

Сюда отнесено причинение значительного ущерба национальному производству «путем уничтожения сырья, сельскохозяйственных и промышленных продуктов или средств производства (ст. 499), распространение болезни среди растений или животных (ст. 500), злостное повышение или понижение цен на общественном рынке или на биржах (ст. 501). Центральное же место занимают постановления о «локаутах и стачках» (ст. ст. 502 — 512). Так как характерными чертами фашизма является не только белый террор, но и социальная демагогия, то фашистский кодекс «одинаково» преследует как стачку рабочих, так и локаут предпринимателей.

По существу же, конечно, постановления уголовного кодекса охраняют исключительно интересы крупного капитала. Им приносится в жертву даже мелкая буржуазия, так как по кодексу наказуемой является и стачка мелких производителей или торговцев (ст. 506). Следует тут же отметить, что самовольное оставление службы, индивидуальное или коллективное, служащими частных предприятий, выполняющих «общественно-необходимую работу», предусматривается в разделе IV о «преступлениях против публичной власти» (ст. ст. 330, 333).

Вторая глава раздела — «о преступлениях против промышленности и торговли» — содержит такие составы, как «нарушение свободы промышленности и торговли» (ст. 513), причинение вреда национальной промышленности путем обманных действий (ст. 514), торговый обман (ст. 515), фальсификация продуктов (ст. 516), продажа промышленных изделий с ложными знаками (ст. 517).

Но этим не исчерпывается уголовно-правовая охрана крупного капитала. В эпоху империализма промышленная и коммерческая тайна перерастает в «государственную». Это положение и проведено в итальянском уголовном кодексе 1930 г. В разделе I, в числе преступлений «против личности государства», предусматривается и добывание сведений, разглашение которых запрещено компетентной властью, и само разглашение их (ст. ст. 256, ч. 3; 258, 262). В период подготовки к грабительскому нападению на Абиссинию королевским декретом от 28 сентября 1934 г. был опубликован перечень таких сведений. Ознакомление с ним показывает, что решительно все области промышленной, торговой и сельскохозяйственной деятельности страны могут составлять предмет государственной тайны.

3. Характерными для буржуазного уголовного права являются карательные санкции за «имущественные преступления». В этом отношении классическим в своих постановлениях о наказуемости воровства является французский кодекс 1810 г. в своей первой редакции, до новеллы 1832 г. Простое воровство наказывалось тюрьмой от одного года до пяти лет (ст. 401), воровство ночью из обитаемого помещения — смирительным домом от пяти до десяти лет (ст. 385).

При наличии квалифицирующих обстоятельств (взлом, употребление подобранных ключей, проникновение в дом под видом

агента публичной власти) воровство наказывается срочной каторгой от пяти до двадцати лет (ст. 384), а при совокупностиотягчающих обстоятельств могла назначаться даже смертная казнь (ст. 381).

По *германскому* уголовному кодексу 1870 г. простая кража наказывается тюрьмой от одного дня до пяти лет (§ 242), квалифицированная кража—каторгой от одного года до десяти лет, при смягчающих обстоятельствах—тюрьмой не ниже трех месяцев (§ 243). Рецидив карается каторгой от одного года до десяти лет, при смягчающих обстоятельствах—тюрьмой не ниже трех месяцев при простой краже и не ниже одного года при квалифицированной краже (§ 244).

Русское дореволюционное законодательство—Уложение о наказаниях 1845 г.—отличалось еще большей казуистичностью, чем французский кодекс 1810 г. Простая кража наказывалась тюрьмой от трех до шести месяцев, тяжкая—от шести месяцев до полутора лет, квалифицированная—исправительными арестантскими отделениями от одного года до шести лет, а в некоторых случаях—и каторгой от четырех до шести лет. «Святотатство», то есть всякое похищение церковных вещей и денег как из самих церквей, так из часовен, ризниц и других постоянных и временных церковных хранилищ, хотя бы они находились и вне церковного «строения», считалось «преступлением против веры», и наказанием в некоторых случаях могла быть каторга до двенадцати лет (ст. 221).

Итальянский уголовный кодекс 1930 г. простую кражу наказывает исправительным домом от 15 дней до 3 лет (ст. 624), кражу при одном квалифицирующем обстоятельстве—исправительным домом от 1 года до 10 лет, а при двух—от 3 до 10 лет (ст. 625).

Буржуазное законодательство с наказаниями за кражу связывает, как правило, и серьезные правопоражения. Кроме того, в ряде новейших законодательств репрессия за имущественные преступления усилена путем введения так называемых мер безопасности в отношении «профессиональных» преступников. Эти меры присоединяются к наказанию в виде «интернирования» на неопределенное время, могущее превратиться в пожизненное.

Буржуазное уголовное законодательство охраняет частную собственность от посягательств в виде кражи—наиболее частого из имущественных преступлений и наиболее часто совершаемого как раз неимущими классами. «Неуважение к существующему социальному строю,—писал Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии»,—всего резче выражается в его крайнем проявлении—в преступлениях... Что касается самих преступлений, то значительное большинство их составляют, как во всех цивилизованных странах, преступления против собственности, то есть обусловленные нуждой, ибо никто не крадет того, что у него есть»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. III, стр. 420, 421.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СИСТЕМА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В БУРЖУАЗНОЙ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. В буржуазной теории уголовного права не существует единой, образной системы имущественных преступлений. Но все же можно установить общее у всех буржуазных криминалистов, излагавших Особенную часть уголовного права. Все они излагают имущественные преступления, при известном различии в объеме их содержания, в качестве одной из групп посягательств против прав отдельного лица, непосредственно за посягательствами против личности в тесном смысле слова.

Трактовка имущественных преступлений как посягательств против прав отдельной личности ведет свое начало от учений об естественном праве XVII и XVIII вв. Эти учения сильно отразились на взглядах знаменитого юриста XVIII в. Блэкстона (1723—1788 гг.), выраженных в его «Комментариях к праву Англии» (первое издание — в 1763—1765 гг.). Выходец из купеческой семьи, Блэкстон говорил языком буржуазного класса, пришедшего к власти хотя бы и при помощи компромисса с земельной аристократией, считающего свои интересы соответствующими «естественному» порядку вещей.

Каждый англичанин, как заявляет Блэкстон, обладает «абсолютными правами». Под этими правами «разумеются те, которые присущи людям от природы и которыми каждый может пользоваться как в обществе, так и вне общества». К абсолютным правам, «обычно называемым вольностями», относятся: право личной безопасности, право свободы передвижения и право собственности¹. Поэтому вполне оправданным является у Блэкстона и место, которое занимают посягательства против собственности в его системе Особенной части². Они входят в пятую, последнюю группу, которая содержит посягательства на индивида, нарушающие вместе с тем и «законы природы» и направленные

¹ Blackstone, Commentaries on the law of England, 13 изд., 1800 г., т. 1, стр. 123.

² У Блэкстона Особенная часть распадается на пять групп посягательств: 1) против бога и религии, 2) против международного права, 3) против короля, 4) против общества в целом (против правосудия, публичного спокойствия, публичной торговли, публичного здоровья), 5) против индивида или частных субъектов.

против личности (убийство и т. д.), против жилища¹ и, наконец против собственности.

Под влиянием учения о естественном праве находился и германский криминалист Ансельм Фейербах (1775—1833 гг.). Имущественные преступления рассматривались им наряду с преступлениями против личности как посягательства против «частных прав людей». Существование же этих «частных прав» Фейербах обосновывает ссылкой на «разум». Но и «права государства, как такового», Фейербах выводил в конечном счете из общественного договора².

Влияние учений о естественном праве дольше всего сохранилось в итальянской доктрине. Объясняется это, возможно, тем, что освобождение Северной Италии от австрийского ига, свержение светской власти папы и политическое объединение Италии, связанное с приходом буржуазии к власти, произошли только в шестидесятых годах XIX в. Особенная часть Программы курса уголовного права наиболее крупного итальянского криминалиста-классика Каррара (1805—1888 гг.) вышла первым изданием в 1863 г., сто лет спустя после появления Комментариев Блэкстона. И все же в этой Программе мы встречаем основное деление всех преступлений на две группы: «преступления естественные» и «преступления социальные». «Объектом естественных преступлений, — пишет Каррара, — является право, присвоенное индивиду самим законом природы. Такого рода действия являются нарушением права независимо от (существования) гражданского общества и от какого-либо человеческого закона»³. К числу естественных преступлений, наряду с посягательствами против жизни, личной неприкосновенности, личной свободы, семьи и чести, Каррара относит и посягательства против собственности.

2. Буржуазные криминалисты продолжают и до настоящего времени рассматривать имущественные преступления как *посягательства против прав отдельной личности*. Но они не настолько наивны, чтобы обосновывать место имущественных преступлений в системе Особенной части ссылкой на естественное право. В эпоху империализма учение об естественных правах человека и защита права частной собственности как одного из этих прав не звучали бы убедительно. Более подходящей является теория о «социальной функции права собственности». Эта теория подготовила почву для фашистской демагогии об «общем благе», стоящем выше «частного блага».

В попытках «научно» обосновать право собственности, а тем

¹ Сюда входит поджог и burglary — незаконное проникновение в жилище ночью с целью совершения преступления.

² Указанное деление права на права государства и на частные права Фейербах дает в Revision, I, 1800, стр. 219—220, 234—235. Система Особенной части, соответствующая этому делению, дается в его Учебнике уголовного права (первое издание — 1801 г., четырнадцатое, посмертное — 1847 г.).

³ Carrara, Programma del Corso del diritto criminale, Parte speciale, 1881 г., I, стр. 45.

самым и место имущественных преступлений в системе Особенной части, буржуазные криминалисты обращаются даже к уголовной антропологии. Так, в многотомной Энциклопедии итальянского уголовного права (1905—1913 гг.), в томе X, посвященном имущественным преступлениям, проф. Пулья утверждает: право собственности имеет антропологическую основу, оно кроется в «приобретательной функции человека, в которой проявляется инстинкт самосохранения»¹.

Большинство современных буржуазных криминалистов говорит об имущественных преступлениях как о посягательствах против прав отдельной личности, как о чем-то само собой разумеющемся. Один из эпигонов Блэкстона, Стифен, прямо заявляет, что «происхождение собственности, как движимой, так и недвижимой, представляется весьма интересным, хотя отчасти и темным. Обсуждение же этого вопроса не имеет непосредственного отношения к труду, относящемуся к праву»².

Не у всех буржуазных криминалистов встречается вообще какая бы то ни было теоретическая система имущественных преступлений. Так, Шово и Эли излагают отдельные имущественные преступления в порядке, установленном уголовным кодексом 1810 г. (см. гл. II). Нет никакой теоретической системы и в современной англо-американской литературе. Стифен³ делит без какой-либо мотивировки преступления против собственности на четыре группы: «воровство» и родственные ему преступления, подлог и использование подложных документов, обман и фальсификация и, наконец, повреждение имущества. Гаррис дает более подробную группировку, разбивая те же имущественные преступления на семь групп и, так же как Стифен, — без всякого обоснования. Банкротство, впрочем, он относит к посягательствам против публичных прав⁴.

Американский учебник Миллера⁵ излагает преступления против собственности в одной главе без какой бы то ни было попытки их классификации. Под несомненным, но чисто внешним влиянием Блэкстона — Миллер выделяет в особую главу посягательства против жилища (поджог и burglary)⁶.

А между тем Блэкстон обоснованно делит посягательства против собственности на три группы: «воровство» (larceny), для которого характерно обогащение преступника за счет потерпевшего, «злостное причинение имущественного ущерба» (malicious mischief), «вызванное злобой или черной дьявольской мстью» и, наконец, «подлог» (forgery), посягательство, при котором не прибегают к насилию («Комментарии», т. IV, стр. 229).

¹ Puglia, Encyclopedica del diritto italiano, X, стр. 524.

² Стифен, «Комментарий», 1925 г., т. II, стр. 82.

³ Там же, т. IV.

⁴ Harris, Principles and practice of the criminal law, 15 изд., 1933 г.

⁵ Justin Miller, Handbook of criminal law, 1934 г.

⁶ Любопытно, что «Комментарии» Блэкстона «в сокращенном для американских студентов виде» были переизданы в США вторым изданием еще в 1888 г.

У итальянских криминалистов господствует деление посягательств против собственности на две большие группы, в зависимости от мотива их совершения. Так, *Каррара* к первой группе относит преступления, совершаемые с целью обогащения — «воровство» (*furto*), ко второй — по мотивам мести. «Воровство», в свою очередь, бывает двух родов: при одном нарушение права собственности сопровождается нарушением права владения (воровство в тесном смысле слова), при другом такого нарушения нет (мошенничество, присвоение). Вторую группу составляет нанесение имущественного ущерба, поскольку оно заслуживает наказания (повреждение имущества)¹. В основном такое же деление имущественных преступлений мы находим у *Пессина*² и *Пулья*³.

Французский криминалист *Гарро* в своем учебнике⁴ делит «посягательства на имущества» (последний термин автор предпочитает термину «собственность») на две главных группы: посягательства, направленные на присвоение чужой вещи, и посягательства, направленные на ее повреждение или уничтожение. Присвоить чужую вещь можно или путем перемещения ее (воровство — *vol*), или путем ненадлежащего распоряжения полученной вещью (злоупотребление доверием). Повреждение или уничтожение бывает различным в зависимости или от способа действия или от природы вещей, являющихся предметом посягательства.

Но, изложив свою систему, *Гарро* замечает тут же, что «хотя тройственное деление посягательств против собственности в уголовном кодексе 1810 г. и не является научной системой, но оно, тем не менее, удовлетворяет требованиям практики». И автор переходит к изложению имущественных преступлений, следуя вполне этому порядку. Более новые курсы по французскому уголовному праву профессоров *Ру*, *Видаля* ограничиваются изложением Общей части.

Наиболее сложной является система имущественных преступлений в современной немецкой теории. Здесь, как нигде, сказывается зависимость буржуазных криминалистов от начал гражданского буржуазного права, зависимость, представляющаяся для них фактом, самим собой разумеющимся.

«При строгом проведении системы, — пишет *Лист*, — деление имущественных преступлений должно согласовываться с делением имущественных прав, принятым в гражданском праве. Но это неосуществимо благодаря состоянию исторически сложившегося законодательства. Целый ряд преступлений посягает не на отдельные имущественные права, а на имущество вообще, что требует особого места в системе». Но и уголовно-правовая охрана отдельных имущественных прав развита, по мнению *Листа*, далеко не равномерно. «Обязательственные права пользуются ею

¹ *Programma, Parte speciale, IV, 2 изд., 1869 г.*

² *Pessina, Elementi di diritto speciale, Parte seconda, II, 2 изд., 1882 г.*

³ Указанное выше сочинение.

⁴ *Garraud, Traité theorique et pratique du droit pénal français, 1894 г., V, стр. 75.*

лишь частично. Из вещных прав этой охраной пользуется собственность, но и то лишь против присвоения движимого имущества и повреждения имущества, лишь в одном случае против неправомерного пользования имуществом. Теоретическое изложение должно считаться с этими фактами»¹.

Лист, как известно, является основоположником социологической школы. Но взгляды его на основу системы имущественных преступлений вполне сходятся со взглядами такого немецкого классика, как *Биндинг*.

«Большинство имущественных прав, — пишет последний, — имеют частно-правовой характер, поэтому имущественные преступления являются в большинстве вместе с тем и нарушениями частного права. Из несамостоятельной природы уголовного права вытекает его полная зависимость от гражданского права в отношении существования имущественных прав, их обоснования и прекращения, их содержания и принадлежности»².

Русская дореволюционная теория уголовного права находилась под сильным влиянием немецкой теории. Неудивительно, что проф. *Фойницкий*, учебник которого по Особенной части является наиболее распространенным, в системе имущественных преступлений исходил из того, что «имущественные посягательства направляются или против права собственности в целом составе, или против отдельных прав, в него входящих».

Изложенное показывает, что буржуазная теоретическая мысль в вопросе о системе имущественных преступлений не сделала ни шагу вперед по сравнению с криминалистами XVIII и начала XIX вв., исходившими из революционного для их времени учения о естественном праве. Отказ современных криминалистов рассматривать имущественные преступления и систему их в связи с самой структурой капиталистического общества, в связи с институтом частной собственности как основой этого общества, свидетельствует лишний раз о затушевывании с их стороны классового характера буржуазного права.

¹ Liszt, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, 23 изд., 1921 г., стр. 438 и след.

² Binding, Lehrbuch des gemeinen Deutschen Strafrecht, Besonderer Teil, I, 1902, стр. 240.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОВЕТСКАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1. Объектом *имущественных преступлений* в советском уголовном праве является, как мы видели, или социалистическая собственность, или собственность отдельных лиц. Наиболее серьезные посягательства против первой являются преступлениями государственными. Имущественные права граждан гарантируются Конституцией в целях подъема материального и культурного уровня трудящихся и защищаются у нас при том условии, что они не превращаются в средство эксплуатации чужого труда.

Отсюда ясно, что отнесение в советской теории имущественных преступлений «к посягательствам против прав личности» принципиально отличается от отнесения этих преступлений «к посягательствам против личности», «против частной сферы» и т. п. в буржуазной теории уголовного права.

Вникая в содержание отдельных преступлений, предусмотренных в главе об имущественных преступлениях УК союзных республик, мы видим, что большинство из них направлено на приобретение виновным чужого имущества путем нанесения потерпевшему соответствующего имущественного ущерба. К таким преступлениям можно отнести кражу, грабеж, разбой, вымогательство, мошенничество, ростовщичество, присвоение, укрывательство имущества, добытого преступлением. Все эти преступления, вместе взятые, можно объединить в одну общую группу *«преступное приобретение чужого имущества»*.

В большинстве случаев движущим мотивом преступления является корысть. Виновный может действовать, конечно, и по другим мотивам. Можно представить себе, например, что лицо, получившее чужие деньги на сохранение, истратило их не на себя, а на помощь своим нуждающимся друзьям. Тем не менее такое лицо будет виновно в растрате чужого имущества. Виновный распорядился чужим имуществом, как собственник его, и тем самым расширил свою имущественную сферу за счет имущества потерпевшего. Но случаи совершения таких преступлений, как кража, присвоение и вообще всех преступлений, относимых к группе *«преступное приобретение чужого имущества»*, по мотивам не корыстным встречаются в жизни довольно редко.

Мы видели, что в итальянской и французской теориях имущественные преступления делятся на две основные группы — по признаку наличия или отсутствия мотива корысти. Но совершен-

но ясно, что уголовно-правовая оценка мотива корысти,* алчности в буржуазной теории и праве служит только средством затушевывания той вполне «законной» алчности, которая является движущей силой всякого эксплуататорского общества.

Только советское уголовное право может нелицемерно заклеить мотив корысти. В Основных началах уголовного законодательства 1924 г. к числу обстоятельств, увеличивающих ответственность, отнесено совершение преступления «из корыстных или иных *низменных* побуждений» (п. «д» ст. 31). Наоборот, ответственность уменьшается, если преступление совершено «по мотивам, лишенным корысти и каких бы то ни было *низменных* побуждений» (п. «г» ст. 32).

Но не только в Общей части советских УК, а и в Особенной их части придается значение мотиву корысти. Злоупотребление властью из должностного проступка становится должностным преступлением, если это злоупотребление было вызвано, между прочим, и «корыстными соображениями» (ст. 109 УК РСФСР). Ряд преступных действий требует для своего состава наличия корысти. Так, ст. 114 УК РСФСР преследует постановление неправоудного приговора, если оно последовало «из корыстных или иных личных видов». Те же признаки требуются при незаконном заключении под стражу (ч. 2 ст. 115 УК РСФСР), при помещении в больницу для душевнобольных заведомо здорового человека (ст. 148 УК РСФСР) и в ряде других статей.

В иных случаях наличие корыстного мотива квалифицирует основной деликт, например, служебный подлог (ч. 1 ст. 120 УК РСФСР), умышленное убийство (п. «а» ст. 136 УК РСФСР) и др.

2. Анализируя отдельные составы, входящие в *первую группу* имущественных преступлений, мы можем установить различие между ними в зависимости от того, *каким способом* приобретает виновный чужое имущество. При одном и том же объекте посягательства способ действия характеризует не только само преступление как известное нарушение советского правопорядка, но и личность виновного. Некоторые имущественные преступления представляют ту повышенную опасность, что совершение их превращается в профессию виновного. Не случайно, что именно этот момент выделен в наших УК как обстоятельство, квалифицирующее отдельные имущественные преступления, например, кражу, ростовщичество, покупку заведомо краденного. Далее, в отдельных случаях способ приобретения имущества свидетельствует сам по себе о большей или меньшей виновности преступника, о большей или меньшей его опасности для нашего трудового общежития.

Среди преступлений, направленных на приобретение имущества, можно выделить, прежде всего, такие преступления, как *кража, грабеж, разбой*. Эти преступления объединяются обычно в понятие «похищение имущества». Похитить чужую вещь — значит изъять ее из чужого владения. Виновный должен преодолеть для этого известные препятствия. При краже он действует тайно, он избегает столкновений с потерпевшим. Не все

способы совершения кражи одинаковы. Вор, становящийся профессионалом, специализируется; карманник резко отличается от взломщика денежных шкафов, конокрад — от воров, орудующих в городе, и т. д. Эти моменты учитываются советским уголовным правом при конструировании отдельных квалифицирующих видов кражи. Грабеж занимает промежуточное положение между кражей и разбоем. Отсутствие насилия (нашему праву известен и грабеж без насилия) сближает его с кражей. От нее он отличается открытым способом действия. Грабеж с насилием лишь количественно отличается от разбоя. От разбоя он отличается лишь степенью насилия над личностью.

УК 1922 г. обязывает суд при определении наказания учитывать, «совершено ли преступление посредством насилия или без такового» (п. «з» ст. 25). Равным образом, и Основные начала 1924 г. к отягчающим обстоятельствам относят совершение преступления «с особой жестокостью, насилием или хитростью» (п. «е» ст. 31). УК союзных республик воспроизводят эту формулировку. В Особенной части УК союзных республик насилие над личностью является или элементом ряда составов преступлений или обстоятельством, квалифицирующим преступление.

Значение, которое придается Сталинской Конституцией личности, то уважение, которое должно проявляться к ней в социалистическом обществе, оправдывает выделение из общего понятия похищения имущества *насильственные* его способы.

Насилие заключается не только в физическом, но и в психическом воздействии на личность, в угрозе применить насилие. Применение такого рода угроз позволяет сблизить с насильственным похищением такое преступление, как *вымогательство*. Вымогательству как способу преступного приобретения чужого имущества свойственны признаки, общие и насильственному похищению. Но имеются и моменты, позволяющие выделить его в самостоятельное преступление: характер угроз — не только насилие над личностью, но и отсутствие опасности, что угроза будет осуществлена немедленно; различие и в объекте — виновный стремится приобрести имущество не только в смысле конкретной вещи, как при похищении, но и имущественных прав.

Иными чертами характеризуется *мошеннический* способ приобретения чужого имущества. Виновный прибегает к обману потерпевшего или к злоупотреблению его доверием. Обманутый сам передает свое имущество, считая, что посягающий имеет право на него или ему выгодно передать имущество посягающему. Среди лиц, прибегающих к обману как средству преступного приобретения имущества, не все одинаково виновны, не все одинаково опасны. Между молочницей, разбавляющей молоко водой, и жуликами и аферистами — дистанция огромного размера. Это учитывается и советским законодательством. Если УК РСФСР за мошенничество, от которого потерпело отдельное лицо, устанавливает не только лишение свободы до двух лет (ст. 169), но и исправительно-трудовые работы и штраф, то в условиях советского строя аферистов и «дельцов», приобретающих в бур-

жуазном обществе и богатство, и почет, и уважение, у нас ждет наказание, предусмотренное законом 7 августа.

К мошенничеству «примыкает» ряд таких преступлений, как фальсификация, подделка в корыстных — большей частью мошеннических — целях документов, подделка пробирных клейм и некоторые другие. В составе этих примыкающих к мошенничеству преступлений имеются элементы, общие с мошенничеством. Их уместно рассматривать в связи с этими преступлениями.

С полной победой у нас социалистической системы во всех сферах народного хозяйства вырвана почва из-под ног *ростовщичества* — приобретения чужого имущества при помощи кабальных сделок. Это преступление носит в себе черты, свойственные капиталистической эксплуатации вообще. Хотя у нас в настоящее время ростовщичество и не может быть широко распространенным преступлением, тем не менее советское уголовное право должно вести решительную борьбу со всеми пережитками и проявлениями капиталистической психологии.

Всем перечисленным нами основным составам, предусматривающим преступное приобретение имущества, свойствен общий признак: виновному приходится преодолевать известное сопротивление потерпевшего. Он должен, чтобы преуспеть, прибегать к уловкам, обману, к физическому или психическому насилию, он должен суметь использовать доверчивость, или нужду, или тяжелое положение потерпевшего.

Иные черты носит приобретение чужого имущества посредством *присвоения*. Имущество находится при этом во владении виновного на законном основании. Распорядиться им виновному так же легко, как своим собственным имуществом. В этом — опасность присвоения. Вина усугубляется, когда имущество, в особенности социалистическое, доверено виновному. Присвоение социалистического имущества заслуживает не меньшего наказания, чем его похищение, почему к обоим способам преступного приобретения имущества при известных условиях одинаково применим закон 7 августа.

В конце группы «преступного приобретения чужого имущества» должно стоять *укрывательство* имущества, добытого преступлением. Типичным является покупка заведомо краденого. Но советскому уголовному праву известны и другие формы прикосновенности к преступному приобретению имущества.

3. Вторую группу образуют посягательства, направленные на *причинение имущественного ущерба*. Виновный не извлекает при этом для себя никакой имущественной выгоды. Но не все случаи даже умышленного причинения вреда имуществу отдельных лиц подлежат уголовному наказанию. Советское право уголовно-наказуемыми считает лишь случаи повреждения или истребления имущества в смысле вещей.

При известных условиях уголовно-наказуемым является и уничтожение своего собственного имущества. Особенностью советского права является то, что оно не предоставляет собственнику право неограниченного распоряжения своим имуществом. Неза-

висимо от общего состава повреждения имущества (ч. 1 ст. 175 УК РСФСР), в целях борьбы со злостным истреблением своего собственного скота, УК пополнились в 1930 г. новым составом, предусматривающим хищнический убой скота (ст. 79¹ УК РСФСР).

В главе об имущественных преступлениях советское право предусматривает, по общему правилу, лишь *повреждение имущества (в смысле вещей)* и то, поскольку это имущество принадлежит отдельным лицам. Но и повреждение социалистического имущества (в смысле вещей) входит в наше изложение, хотя отдельные составы и включены в другие главы УК, если такое повреждение не перерастает в преступление особо опасное против порядка управления или контрреволюционное.

Не включено в систему имущественных преступлений причинение ущерба социалистической собственности, поскольку оно не выражается в повреждении вещей. Причинение такого ущерба путем злоупотребления своим служебным положением или другими не насильственными, но преступными способами, отнесено нашим правом к должностным или хозяйственным преступлениям.

4. Подводя итоги сказанному, можно дать следующую систему имущественных преступлений:

Преступное приобретение чужого имущества:

Кража.
Грабеж без насилия.
Грабеж с насилием.
Разбой.
Вымогательство.

Мошенничество и примыкающие к нему преступления.
Ростовщичество.
Присвоение.
Укрывательство вещей, добытых преступлением.

Преступное причинение имущественного ущерба:

Повреждение имущества.

В большинстве УК союзных республик в конце главы об имущественных преступлениях помещены составы, направленные на охрану *прав изобретателя, автора литературных, музыкальных и иных произведений, прав на фирму и т. п.*

Объектом посягательств, предусмотренных указанными составами, являются *авторские права*. Особенности последних заключаются в том, что они тесно связаны с личностью изобретателя, с личностью автора литературного, научного, музыкального и иного художественного произведения. Изобретатель и автор заинтересованы не только в том, чтобы извлечь материальные выгоды из своего произведения или изобретения. Им важно, чтобы они считались авторами, чтобы никто не мог незаконно присвоить их авторство, чтобы эти их личные интересы не понесли ущерба. Имущественные права изобретателя и автора обеспечены у нас, как нигде. Вопрос идет об уголовной охране авторских прав, связанных с личностью автора и изобретателя.

Вот почему посягательства на авторские права не укладываются в систему имущественных преступлений. Совершенно правильно поступил УК Грузинской ССР, выделив их в самостоятельную главу, вслед за главой об имущественных преступлениях.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРАЖА

§ 1. Общее понятие

1. Кража есть тайное похищение чужого имущества.

Объектом кражи является чужое имущество. Под имуществом как объектом кражи понимается вещь, т. е. материальный предмет внешнего мира, как неодушевленный, так и одушевленный, например, домашняя птица. Не может быть объектом кражи человек. Похищение ребенка, хотя бы и с корыстной целью, советское уголовное право совершенно правильно рассматривает как посягательство на личность (ст. 149 УК РСФСР), похищение женщины с целью вступления в брак отнесено к преступлениям, составляющим пережитки родового быта (ст. 197 УК РСФСР).

С точки зрения уголовного права и энергия, поскольку она освоена, может быть объектом кражи. На такой точке зрения стоит и советское уголовное право, предусматривая кражу «электрической энергии» (УК РСФСР ст. 163). УК Азербайджанской ССР предусматривает кражу «поливной воды из оросительных каналов или водных амбаров» (ч. 2 ст. 207).

Не являются объектом кражи деревья в лесу и самовольная рубка леса, хотя бы и с целью похищения срубленных деревьев. Эти преступления рассматриваются нашим законодательством как нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов (ст. 85 УК РСФСР).

В тех же случаях, когда лесные порубки совершены классово-враждебными элементами или совершены в крупных размерах, организованным порядком или в целях наживы, спекуляции и других отягчающих обстоятельствах, они, как разъяснил Верховный Суд РСФСР, должны квалифицироваться по закону 7 августа 1932 г.

Объектом кражи могут быть предметы, и не обладающие какой-либо хозяйственной, экономической ценностью, например, такие документы как паспорт и т. п.

Похищение как официальных, так и частных документов из государственных учреждений рассматривается как особое преступление против порядка управления (ст. 78 УК РСФСР).

Объектом кражи является чужое имущество, как это прямо говорится в наших УК. Не могут быть поэтому объектом кражи предметы, никому не принадлежащие, например, дикие звери. Незаконное производство рыбного, звериного, и других водных до-

бывающих промыслов, а также производство охоты в запрещенных местах и т. п. рассматривается УК как преступление против порядка управления (ст.ст. 86, 86¹ УК РСФСР). Не является объектом кражи имущество, заведомо брошенное собственником. Поскольку похищаемое имущество должно быть для виновного чужим, объектом кражи не может быть собственное имущество, находящееся в чужом владении, и самовольное изъятие такого имущества у владельца, как правило, дает состав самоуправства (ст. 90 УК РСФСР).

Более сложные случаи, когда имущество отдельных граждан находится во владении государственного или общественного предприятия или учреждения.

Верховный суд РСФСР в 1932 г. разъяснил, что самосуправный захват обобщественного имущества лицами, вышедшими из колхоза, может быть квалифицирован по закону 7 августа 1932 г. в случаях, когда это носило организованный и групповой характер, имело своей целью ослабление мощи данного колхоза классовым врагом или повлекло за собою разбазаривание колхозного имущества. Случаи же удержания имущества вышедшими из колхоза вследствие возникновения споров о правильности обобществления этого имущества разрешаются в надлежащем порядке, и невозвращение или даже самоуправный захват этого имущества без его разбазаривания не может подходить под действие закона 7 августа.

2. С *объективной стороны* кража является тайным изъятием чужой вещи, находящейся в чужом владении.

Похищение вещи состоит в том, что виновный *завладевает* ею, *нарушая* тем самым *чужое владение* ею. Этим похищение отличается от присвоения, при котором вещь находится во владении виновного. Владелец похищаемой вещи может и не быть ее собственником — вещь могла у него находиться в пользовании, на хранении и т. п. Изъятие имущества может выразиться в различных действиях, в зависимости от свойства похищаемого. Обычно захватывается вся вещь, но можно похитить и отдельные ее части. Электрическая энергия похищается путем присоединения провода в своей квартире к общей сети и т. п. Во всяком случае переход вещи во владение виновного должен быть вызван действиями виновного.

Оконченной кража считается с переходом вещи во владение виновного.

Деятельность виновного, направленная на изъятие вещи из чужого владения, но не приведшая к этому результату, составляет покушение. К области приготовления должны быть отнесены действия, состоящие в приискании и приспособлении средств и создании условий для совершения кражи. Так, изучение расположения квартиры, установление часа, когда вступают на дежурство сторожа, изготовление по слепку поддельных ключей и т. п. будет приготовлением. Приготовлением будет и сговор с другим лицом совершить совместно кражу. Преодоление преград и препятствий, отделяющих вора от имущества, кото-

рое он намеревается украсть, является уже покушением. Так, будет покушением на кражу взлом запоров, устройство подкопа, перелезание через забор и т. п. Проникновение в помещение с целью похитить находящееся там имущество, хотя бы и без разрушения преград, должно считаться также покушением, а не приготовлением на кражу.

Для кражи характерным является *тайный* способ похищения, то есть такое похищение, которое не замечается, не сознается потерпевшим. Таковым будет похищение в отсутствии потерпевшего или хотя бы и в присутствии его, если при этом потерпевший не сознает, что вор похищает у него имущество (типичные случаи карманной кражи, кража у спящего, пьяного).

3. С субъективной стороны кража является *умышленным* преступлением.

Виновный сознает, что им похищается чужая, не принадлежащая ему вещь. Если похитивший считал, что он имеет право на вещь в силу обязательства, невыполненного собственником или владельцем вещи, то налицо будет не кража, а самоуправство.

Если кто похитит по ошибке вместо чужой свою вещь, то он будет отвечать за покушение на кражу. С другой стороны, завладевший чужою вещью, ошибочно принятой за свою, не может отвечать за кражу, так как у него отсутствовало сознание, что вещь чужая.

Виновный сознает, что он действует тайно. Если вор думает, что его никто не видит, на самом же деле за ним наблюдает владелец вещи, то похищение будет считаться кражей, а не грабежом. Решающее значение должен иметь субъективный момент. С этой точки зрения следует разрешать и случаи так называемого внезапного похищения: например, срывание шапки с головы прохожего.

Виновный не только сознает, что он похищает из чужого владения чужую вещь, но он должен и желать завладеть этой вещью. Таким образом, умысел при краже должен быть всегда *прямым*. При этом желание завладеть вещью всегда должно преследовать и специальную цель — *цель присвоения*, и хотя в определении кражи УК не говорит об этой цели, наличие ее для состава кражи необходимо.

Социалистическое правосознание видит в краже корыстное имущественное преступление. Не будет поэтому кражей, если вещь тайно захвачена с целью повреждения или истребления ее. Виновный будет отвечать за повреждение вещи (ст. 175 УК РСФСР). Не будет кражей завладение имуществом с целью временно воспользоваться им, например, автомобилем для прогулки. Не будет кражей также и тайное изъятие имущества в целях использования его в интересах самого собственника. Бригадир колхоза, тайно скармливающий добавочный овес лошадям своей бригады, будет отвечать за должностное преступление или проступок, но не за кражу. Не будет кражи, если кто-либо похитит вещь с целью подшутить над потерпевшим, хотя в извест-

ных случаях его поступок может оказаться уголовно-наказуемым как хулиганство, например, похищение платья у купающихся.

4. **Субъект кражи.** Субъектом кражи может быть всякое вменяемое физическое лицо. Закон 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» предписывает «несовершеннолетним, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж... привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания».

§ 2. Виды кражи

1. **Простая кража.** Ни одно законодательство не может обойтись одним общим составом кражи. Для того чтобы охватить одним составом все разнообразные случаи краж, разнообразные по предмету похищаемого, по способу похищения, по месту похищения и т. п., и вместе с тем дать суду возможность учесть индивидуальную степень ответственности виновного, закон должен был бы установить чрезвычайно широкие рамки наказания — от принудительных работ или штрафа до максимальных сроков лишения свободы и даже высшей меры наказания. Такой единый общий состав кражи лишил бы суд, по существу, всякого руководства со стороны законодателя. Поэтому вполне правильно уже УК РСФСР 1922 г. различал несколько видов краж. Этой системе следуют и все советские УК, различая три основные виды кражи: простую, привилегированную и квалифицированную.

Простую кражу УК РСФСР 1926 г. определяет как похищение, «совершенное без применения каких-либо технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами» (п. «а» ст. 162). Более обобщенное и более правильное определение простой кражи дает УК Украинской ССР (п. «а» ст. 170), говоря о совершении кражи «без применения каких-либо технических средств, в первый раз и без иныхотягчающих признаков, установленных в последующих пунктах настоящей статьи». УК Белорусской ССР характеризует простую кражу как «кражу имущества из частных хранилищ» (ст. 240). УК остальных республик в определении простой кражи сходны с УК РСФСР.

Объектом простой кражи может быть только имущество отдельных граждан.

УК РСФСР 1922 г. «простой кражей» (п. «а» ст. 180) считал только кражу, совершенную «у частного лица». УК РСФСР 1926 г., а равно и одновременно изданные УК других союзных республик не содержат этого указания. То значение, которое имеет у нас социалистическая собственность, обязывает, при прочих равных условиях, к посягательствам на нее относиться более строго, чем к посягательствам на собственность отдельных лиц.

Судебная практика РСФСР с самого начала действия УК 1926 г. проводила эту точку зрения. Верховный суд в 1927 г. разъяснил, что кража государственного или общественного имущества, хранящегося в частных квартирах или у частных лиц, когда ви-

новый заведомо знал, что похищаемое имущество является государственным или общественным, должна наказываться не по п. «а», а по п. «в» ст. 162.

Размеры похищенного при простой краже безразличны.

Наказание по УК РСФСР — лишение свободы¹ или исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев, в некоторых УК, например, Белорусской ССР, максимальный срок того и другого вида наказания установлен в шесть месяцев.

Наказуемость простой кражи резко отличает советское уголовное право от права буржуазного. Классический буржуазный кодекс — французский уголовный кодекс 1810 г. — карает простую кражу тюрьмой от одного года до пяти лет, германский уголовный кодекс 1870 г. — тюрьмой от одного дня до пяти лет (ст. 242), датский уголовный кодекс 1930 г. — тюрьмой от одного месяца до двух лет (ст. 285) и т. д. Характерным для всех буржуазных стран является установление в качестве «нормального» наказания за простую кражу тюремного заключения. Тем самым подчеркивается значение такого рода посягательства на частную собственность. Германский проф. Белинг сухо и кратко отмечает, что «отказ государства от наказуемости кражи в корне подорвал бы его авторитет»². Очевидно, «авторитет» буржуазного государства требует, чтобы и простая кража каралась именно тюрьмой, а не более легким наказанием.

II. **Привилегированная кража.** УК РСФСР 1922 г. не знал такого вида кражи. УК РСФСР 1926 г. знает три вида такой кражи: кражу по нужде, кражу электричества и кражу, подсудную товарищеским судам.

а) **Кража по нужде** УК определяет как простую кражу, совершенную «вследствие нужды и безработицы в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи» (п. «а» ст. 162).

Наказание за кражу по нужде — исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев. В настоящее время с ликвидацией в Советском Союзе безработицы этот вид кражи не может иметь практического значения.

Кроме УК РСФСР такой вид привилегированной кражи знают УК Армянской, Грузинской и Таджикской ССР.

б) УК РСФСР 1922 г. не предусматривал, как особого вида кражи **кражу электрической энергии**. Судебная практика совершенно правильно сочла электрическую энергию годным объектом похищения, но поскольку кража электрической энергии не мыслима без «технических приспособлений», приходилось рассматривать ее как квалифицированную кражу. УК РСФСР 1926 г. выделил этот вид кражи (ст. 163).

¹ Здесь и при рассмотрении последующих статей, содержащих в санкции лишение свободы на срок до одного года, необходимо учитывать действующую редакцию ст. 28 УК РСФСР, согласно которой лишение свободы применяется только на сроки от одного года.

² Белинг, Сравнительное изложение германского и иностранного законодательства, Особенная часть, т. VII, 1907 г., стр. 211.

Наказание за нее установлено в виде лишения свободы на срок до одного месяца «с обязательным возмещением причиненного ущерба».

Некоторые советские УК наказывают кражу электрической энергии еще более мягко. Так, УК Узбекской ССР устанавливает принудительные работы до трех месяцев или штраф до 50 руб., УК Туркменской ССР — только штраф до 100 руб.

в) Кражи, подсудные товарищеским судам. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР 20 февраля 1931 г. о производственно-товарищеских судах (СУ № 14, ст. 160) к их подведомственности отнесены дела «о кражах, совершенных на территории предприятия или учреждения у рабочих и служащих, а также материалов или инструментов, принадлежащих предприятию или учреждению, на сумму не свыше 50 руб.». Дела эти передаются суду администрацией или же они принимаются к производству самим судом, если администрация не возражает против этого.

Объектом «фабрично-заводской» кражи может быть имущество как отдельных лиц — товарищей виновного по работе, так и социалистическое, принадлежащее предприятию или учреждению, на котором работает виновный. Кража у лиц посторонних, находящихся на территории предприятия, подлежит уголовному преследованию на общих основаниях. Кража должна быть совершена на территории предприятия. Похищение имущества, принадлежащего предприятию, во время перевозки вне его территории не будет фабрично-заводской кражей.

Закон устанавливает следующие возможные взыскания за такую кражу: предостережение, общественное порицание с опубликованием или без опубликования в стенгазете или в общей печати, возложение обязанности возместить причиненный ущерб до 50 руб., возбуждение перед администрацией вопроса об увольнении и, наконец, внесение в соответствующий профессиональный орган вопроса об исключении из профсоюза на определенный срок.

К ведению сельских общественных судов законом 17 апреля 1932 г. (СЗ 1932 г. № 29, ст. 180) отнесены и дела о мелких, совершенных впервые, кражах, истреблении или повреждении личного (необщественного) имущества колхозников и единоличников, если размер причиненного ущерба не превышает 50 руб. Мерами воздействия являются: предупреждение, общественное порицание, денежный штраф до 10 руб. и принудительные работы до пяти дней. К ведению жилищных товарищеских судов отнесены дела «о кражах на сумму не свыше 50 руб., совершенных в первый раз и без применения орудий взлома, у жильцов дома или жилищных объединений». Субъектами кражи могут быть только граждане, проживающие в одном и том же жилищном объединении с потерпевшим, или в одном и том же районе или городе. Хотя закон и не упоминает об этом, но само собой разумеется, что товарищескому суду подсудны кражи, совершенные на территории данного объединения.

Мерами воздействия являются: предупреждение, общественное

порицание с опубликованием в стенгазете жилищного объединения или общей печати; штраф до 10 руб.; возложение обязанности возместить ущерб в размере до 50 руб., а сельские общественные суды могут назначать и принудительные работы.

Характерно, что кражи, подсудные товарищеским и сельским общественным судам, не считаются преступлением. Закон о судах при жилищных объединениях говорит вообще о проступках. Товарищеские суды применяют не наказание, а меры воздействия. Осуждение товарищеским судом не создает судимости.

III. *Квалифицированная кража.* Постановления советского уголовного права о квалифицированных кражах отличаются довольно большой сложностью, в особенности если иметь в виду не только УК РСФСР, но и УК других союзных республик. Анализируя их, мы видим, что в основу квалификации кражи кладется то объект кражи, то способ действия, то место совершения преступления, то субъективные свойства виновного, то совокупность отдельных квалифицирующих признаков в различных сочетаниях.

При теоретическом изложении наиболее целесообразным представляется деление всех видов квалифицированных краж на следующие основные группы: кражи, квалифицированные: 1) по объекту, 2) по способу действия, 3) по месту похищения, 4) по времени действия, 5) по субъекту.

1. Кража, квалифицированная по объекту. Объект кражи играет в советском уголовном праве чрезвычайно важную роль. Кража социалистической собственности всегда является квалифицированной, за исключением кражи электрической энергии и фабрично-заводской кражи.

Размер похищенного при краже у отдельных лиц не играет в советском уголовном праве какой бы то ни было роли при квалификации кражи, хотя и может быть учтен при установлении наказания. Иное — при краже социалистической собственности.

Размер похищенного имущества отдельных граждан квалифицирует кражу лишь тогда, когда она совершается из государственных или общественных складов и хранилищ в «особо крупных размерах» (п. «д» ст. 162 УК РСФСР).

Наказание — лишение свободы на срок до пяти лет, по УК Украинской ССР (ст. 170) — до десяти лет.

До издания закона 7 августа 1932 г. кража социалистической собственности квалифицировалась «при особо крупных размерах», в случае совершения ее из указанных складов, по тому же пункту «д» ст. 162 УК РСФСР (соответственно — и в других союзных республиках).

Для применения закона 7 августа 1932 г. вопрос о размерах похищенного играет большую роль. 58 пленум Верховного Суда СССР (сентябрь 1937 г.) указал как на извращение в области применения закона 7 августа, с одной стороны, — осуждение по этому закону за совершенные трудящимися незначительные хищения, с другой стороны — неприменение закона 7 августа и сниже-

ние мер репрессии в случаях крупных систематических хищений социалистической собственности и в отношении организаторов этих хищений.

Вместе с тем пленум указал, что установление в ряде случаев механических лимитов в области квалификации хищений социалистической собственности по сумме похищенного без учета всех обстоятельств преступления, значения предметов похищенного и т. д. «привело к смазыванию эффективности применения закона 7 августа».

а) Кража имущества, являющегося необходимым для существования потерпевшего (п. «б» ст. 162 УК РСФСР). Предметом кражи могут быть орудия производства, с помощью которых потерпевший добывает себе средства существования, например, пишущая машинка у лица, занимающегося профессионально перепиской на машинке, инструменты кустика и т. п. Предметом такой кражи может быть платье, обувь, заработная плата и т. п. Для состава преступления закон требует, чтобы виновный сознавал, что похищаемое имущество является необходимым для существования потерпевшего.

Наказание — лишение свободы на срок до шести месяцев.

Этот вид кражи предусматривается всеми советскими УК, кроме УК Белорусской ССР.

б) Кража лошадей и крупного рабочего скота (ст. 166 УК РСФСР). Еще УК 1922 г. выделял из простой кражи кражу лошадей или крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения (п. «в» ст. 180).

Отнесение такого рода кражи к квалифицированной краже вполне понятно. Она подрывает материальное благополучие трудящихся, может иногда привести к полному подрыву их хозяйства. Наконец, при всей механизации транспорта лошадь сохранила большое значение для обороноспособности нашей страны.

УК РСФСР в качестве объекта данного вида кражи указывает на лошадь или другой крупный скот. Таковым считается крупный молочный скот, верблюды, домашние олени. Не подойдут под это понятие ишаки; между тем, их хозяйственное значение в горных местностях не менее важно, чем значение лошади. Более правильно поэтому поступает УК Таджикской ССР, говоря о похищении «всякого рабочего скота» (ст. 201).

Закон ничего не говорит о возрасте похищаемых животных. Но развитие сельского животноводства немыслимо без выращивания молодняка. По смыслу закона похищение его подойдет под ст. 166. Учитывая значение молодняка и даже мелкого скота для данного этапа, 50 пленум Верховного Суда СССР в 1935 г. разъяснил, что кражу «молодняка крупного рогатого скота и мелкого скота, принадлежащего колхозникам и трудящимся единоличникам, надлежит квалифицировать по ст. ст. 16 и 166 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик».

УК союзных республик говорят о краже лошадей или скота у трудового земледельческого (УК Украинской ССР), а также скотоводческого (УК РСФСР и др.) населения.

УК Белорусской ССР кражу и грабеж как способы похищения лошадей и крупного скота предусматривает в отдельных статьях, устанавливая более строгое наказание за грабеж. УК РСФСР и большинство УК других союзных республик говорят в одной статье о «тайном, а равно открытом» похищении лошадей и скота.

Наказание в обоих случаях по закону одинаково — лишение свободы на срок до пяти лет. Под открытым похищением следует понимать грабеж без насилия и с насилием.

Более строгое наказание за повторное похищение и похищение по сговору с другими лицами — лишение свободы на срок до восьми лет (ч. 2 ст. 166 УК РСФСР). Повторность означает совершение кражи во второй раз, хотя бы виновный и не был осужден еще за первую кражу.

в) **Кража оружия.** Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР 6 февраля 1929 г. была установлена ответственность за тайное или открытое похищение огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов из складов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, военизированной охраны и других военизированных частей. Преступление это рассматривалось как особо опасное против порядка управления (ст. 59^{3а} УК РСФСР). Вместе с тем, постановление предлагало правительствам союзных республик пополнить УК двумя статьями — о тайном или открытом похищении огнестрельного оружия (кроме оружия охотничьего образца и мелкокалиберного) и огневых припасов к нему, если такая кража не подходит под признаки ст. 17¹ Положения о государственных преступлениях (ст. 59^{3а} УК РСФСР), и о покупке, хранении и продаже заведомо похищенного огнестрельного оружия (кроме оружия охотничьего образца и мелкокалиберного) и огневых припасов к нему.

В соответствии с этой директивой союзные республики внесли в УК соответствующие постановления.

УК РСФСР предусматривает кражу оружия в ст. 166-а.

Объектом кражи является огнестрельное оружие — винтовки и револьверы, а также патроны к ним. УК Таджикской ССР упоминает кроме того о «химических снарядах» и «боеприпасах» (ст. 196). Оружие может принадлежать как частному лицу, так и государству. В последнем случае оружие не должно находиться в складах и хранилищах Красной Армии и Военно-морского флота и военизированных частей и не должно быть похищено из мест постоянного или временного пребывания воинских или военизированных частей. Похищено должно быть оружие в целом, а не отдельная часть к нему, почему, например, похищение обоймы к револьверу или затвора от винтовки не будет преступлением в смысле ст. 166-а. В ст. 59^{3а} предусматривается похищение и частей к оружию. Похищение может быть как тайным, так и открытым.

Наказание — лишение свободы на срок до пяти лет.

УК РСФСР и большинства других союзных республик включили этот новый деликт в главу об имущественных преступлениях.

Между тем, введение нового состава вызвано, конечно, не соображениями о более усиленной охране имущества, как такового, а тем, что незаконно добытое огнестрельное оружие может быть легко использовано преступными элементами — бандитскими, контрреволюционными. УК Белорусской ССР отнес данный состав к числу преступлений против порядка управления, в параллель тому, что союзная статья о краже огнестрельного оружия помещена среди особо опасных преступлений против порядка управления.

г) *Кража почтовых отправлений.* УК Узбекской ССР относит кражу почтовых отправлений, совершенную из государственных помещений, к числу квалифицированных краж и карает лишением свободы на срок до десяти лет (п. «ж» ст. 225). Постановлением ВУЦИК и СНК 20 августа 1932 г. УК Украинской ССР дополнен ст. 171-а: «Кража почтовых отправлений, совершенная во время нахождения их в ведении органов связи или сельского совета, когда он выполняет функции органов связи». Наказание за это преступление — лишение свободы до десяти лет.

Состав «почтовой кражи» по УК Украинской ССР шире, чем по УК Узбекской ССР. Почтовые отправления подлежат усиленной охране не только во время нахождения их в почтовом отделении, но и при следовании в пути.

2. Кража, квалифицированная по способу действия. Дореволюционное русское уголовное законодательство в своих постановлениях о краже со взломом отличалось чрезвычайной сложностью и запутанностью. Простой взлом противопоставлялся квалифицированному по месту и способу действия. Это ставило перед практикой ряд казуистических вопросов, вроде того, является ли взломом похищение денег из запечатанного пакета, похищение имущества из заколоченного ящика, похищение лошади, пасшейся на лугу и спутанной железными путами, посредством разбития таких пут, и т. д.

УК РСФСР 1922 г. покончил со всей этой казуистикой. К квалифицированной краже он отнес кражу «с применением орудий и инструментов или других технических приспособлений» (п. «а» ст. 180). УК РСФСР 1926 г. еще более упростил формулировку, говоря о краже, совершенной «с применением технических средств» (п. «в» ст. 162). Такая же формулировка содержится почти во всех других советских УК.

К «техническим средствам» следует отнести прежде всего употребление обычных воровских инструментов — отмычек, фомок, подобранных ключей и т. п. Такие орудия, как обыкновенный топор, лом, стамеска, употребленные вором для преодоления преград, должны быть рассматриваемы также как «технические средства». Под этот вид кражи подойдут и такие случаи, как использование приставной лестницы, чтобы проникнуть в помещение, проникновение в чужую квартиру под вымышленным именем, чтобы совершить затем кражу.

Наказание за кражу с применением технических средств — лишение свободы на срок до одного года. Наказание повышает-

ся, если к этому квалифицирующему признаку присоединяются другие признаки, например, похищение с помощью этих средств из государственных и общественных складов и хранилищ (п. «г» ст. 162 УК РСФСР).

УК Азербайджанской ССР, наряду с кражей, совершенной «с применением орудий, инструментов и вообще технических приемов», говорит о краже, совершенной «с устранением преград и запоров, препятствующих доступу во двор, здание или иное помещение» (п. «в» ст. 162).

3. Кража, квалифицированная по месту похищения.

а) *Кража в местах общественного пользования.* УК РСФСР 1926 г., как и другие советские УК, выделяет кражу, совершенную «на вокзалах, пристанях, пароходах, в вагонах и гостиницах» (п. «в» ст. 162). Основания более усиленной наказуемости такого рода краж очевидны. В указанных местах общественного пользования имущество пассажиров легко может быть похищено ворами-профессионалами, пользующимися скоплением народа, суетой при посадках и т. п. Закон говорит вообще о «вагонах», так что под ними следует разуметь и трамвайные вагоны. С другой стороны, закон точно перечисляет места общественного пользования. Нельзя поэтому подводить под пункт «в» ст. 162 кражу, совершенную в театрах, в общественных садах и т. п.

Наказание за этот вид кражи — лишение свободы на срок до одного года, и до двух лет, если она совершена путем применения технических средств или по сговору с другими лицами (п. «г» ст. 162).

б) *Кража из государственных и общественных хранилищ.* П. «г» ст. 162 УК РСФСР говорит о «государственных и общественных складах, вагонах, судах и иных хранилищах». К складам должны быть приравнены большие запасы предметов, хотя бы они и не были особо огорожены, например, запасы зерна, сена и т. п. Суда в смысле п. «г» ст. 162 могут быть как морские, так и речные, под это понятие подойдут и баржи, но не лодки.

УК РСФСР 1922 г. говорил не только о складах, но и об «учреждениях». УК РСФСР 1926 г. не упоминает о них. Но под понятие «иных хранилищ» подойдут и помещения, занятые государственными и общественными учреждениями, постоянно или временно, например, под выставку.

Объектом кражи может быть имущество не только государственное или общественное, но и отдельных граждан, находящееся в указанных хранилищах. УК РСФСР 1926 г. квалифицирует данного вида кражу, совершенную частным лицом, лишь в том случае, если она совершена путем применения технических средств, или по сговору с другими лицами, или во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия. Лицо, «имевшее специальный доступ в эти склады или их охранявшее», отвечает и при отсутствии этих условий (п. «г» ст. 162 УК РСФСР).

Наказание за этот вид кражи — лишение свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного

года. УК других союзных республик наказывают этот вид кражи более строго. Так, УК Узбекской ССР устанавливает лишение свободы на срок до пяти лет (п. «д» ст. 226), УК Украинской ССР — до восьми лет (п. «г» ст. 170). Кража из государственных и общественных хранилищ наказывается более строго, когда она совершена «в особо крупных размерах» (п. «д» ст. 162 УК РСФСР).

4. Кража, квалифицированная по времени действия.

а) Кража во время общественного бедствия. УК РСФСР 1922 г. в первоначальной редакции не знал этого вида квалифицированной кражи. Он был включен в пункт «в» ст. 180 в 1923 г. Так поступает и большинство других советских УК. УК Узбекской ССР выделяет в особый пункт кражу «во время пожара, наводнения, крушения поезда или иного общественного бедствия» (п. «г» ст. 226). Предусматривает этот вид кражи и УК Белорусской ССР (п. «б» ст. 240).

Есть все основания рассматривать этот вид кражи как квалифицированный, так как совершающий ее обнаруживает повышенную опасность, используя общественное бедствие как благоприятное условие для своей преступной работы. Кража должна быть совершена не только во время, но и в месте общественного бедствия. Объектом является не только имущество лиц, терпящих бедствие. Карманная кража у лиц, хотя бы только помогающих борьбе с бедствием, будет не простой, а квалифицированной кражей.

Наказание по УК РСФСР — лишение свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года, по УК Узбекской ССР — лишение свободы на срок до трех лет.

б) *Ночная кража.* В УК Азербайджанской ССР совершение кражи ночью упоминается в п. «в» ст. 206 наряду с такими признаками, как совершение кражи с применением технических приемов, с совершением кражи в местах общественного пользования и др.

Наказание — лишение свободы на срок до пяти лет.

5. Кража, квалифицированная по субъекту.

а) Кража *повторная.* Советский закон рассматривает вторую кражу как квалифицированную (п. «б» ст. 162 УК РСФСР). Для квалификации не требуется, чтобы вторая кража была совершена после отбытия наказания или хотя бы осуждения. Виновный может судиться и одновременно за обе кражи.

Наказание — лишение свободы на срок до шести месяцев. УК говорит о краже, но из смысла закона вытекает, что пункт «б» ст. 162 можно распространить и на случаи, когда кража совершается после грабежа или иного преступления, направленного на приобретение имущества. Такого рода мысль выражена в УК Белорусской ССР, который (п. «б» ст. 240) квалифицирует кражу, если она совершена «по отбытии наказания за однородное имущественное преступление», устанавливая лишение свободы на срок до двух лет.

б) *Кража неоднократная.* Совершение двух краж еще не свидетельствует о том, что виновный стал профессиональным преступником, в особенности если вторая кража совершена после большого промежутка времени. Из сопоставления с п. «б» ст. 162 УК РСФСР, говорящем о повторной краже, «неоднократность», о которой говорит пункт «в», — это совершение преступления не менее, чем в третий раз. При кражах или однородных корыстных имущественных посягательствах она может быть уже достаточно серьезным признаком того, что виновный профессионально занимается преступным приобретением имущества, в особенности если кражи совершаются на протяжении небольшого отрезка времени, виновный не имеет определенных занятий, водится с подозрительными элементами и т. п.

Наказание по УК РСФСР — лишение свободы на срок до одного года, по УК Украинской ССР (п. «в» ст. 170) — до двух лет, Туркменской ССР (п. «в» ст. 173) — до трех лет.

Неоднократность в сочетании с другими квалифицирующими кражу признаками, как совершение частным лицом кражи из государственного или общественного хранилища или лицом, имевшим особый доступ в эти склады или охранявшим их, влечет за собой более строгую ответственность по пунктам «г» и «д» ст. 162 УК РСФСР (так же и в других советских УК).

в) *Кража по сговору нескольких лиц.* Большинство УК союзных республик требует «предварительного сговора» (п. «в» ст. 162 УК РСФСР). Поэтому если виновные совершают кражу совместно, но без предварительного сговора, например, один вор видит, как другой ворует, и присоединяется к нему, то это не создает ответственности по п. «в» ст. 162. В данном случае применяются общие положения о соучастии. Для состава данного вида кражи безразлично, была ли вообще образована шайка для совершения краж или же у виновных сговор был лишь на совершение единичной кражи. При установлении наказания этот момент должен быть, конечно, учтен. УК Белорусской ССР говорит не о сговоре, а о совершении кражи «группой из трех лиц или более» (п. «б» ст. 240).

Наказание за кражу по предварительному сговору по УК РСФСР — лишение свободы на срок до одного года. В сочетании с другими квалифицирующими признаками наказание повышается (пп. «г» и «д» ст. 162 УК РСФСР).

г) *Кража, совершенная лицом, занимавшим особое положение.* Этот признак квалифицирует кражу не сам по себе, а в соединении с другими признаками. Так, УК РСФСР в п. «г» ст. 162 говорит о краже из государственных и общественных хранилищ «лицом, имевшим специальный доступ в таковые или их охранявшим».

К числу лиц, имеющих специальный доступ, относятся не только служащие в данных складах и хранилищах, но и другие лица, пользующиеся правом входа в силу своего служебного положения, например, обследующие инспектора, члены ревизионной комиссии и т. п. «Охраняющими» склады являются все лица, спе-

циально для этой цели назначенные, — не только сторожа, но, например, и лица пожарной охраны. Если кражу совершит военнослужащий, несущий караульную службу при складе, то он будет отвечать по совокупности за кражу и за нарушение уставных правил караульной службы (ст. 193¹⁵ УК РСФСР).

Наказание за данный вид кражи по УК РСФСР — лишение свободы на срок до одного года. Наказание повышается, если присоединяются такие признаки, как применение указанными выше лицами технических средств, неоднократность, сговор с другими лицами (п. «д» ст. 162).

УК Азербайджанской ССР квалифицирует кражу, совершенную «с нарушением доверия», карая ее лишением свободы на срок до пяти лет (п. «в» ст. 206).

д) *Кража вооруженная.* Только немногие советские УК выделяют этот вид кражи. Так, УК Украинской ССР квалифицирует кражу, «совершенную лицом, запасшимся оружием для нападения или защиты». Наказание — лишение свободы на срок до трех лет (п. «д» ст. 170). УК Узбекской ССР говорит о «лице, имевшем при себе оружие» (п. «е» ст. 226). Наказание — лишение свободы на срок до десяти лет.

Под оружием понимается как огнестрельное, так и холодное. Под понятие последнего подойдут кинжалы, финские, но не карманные ножи. Не может быть отнесен к этому виду кражи случай, когда виновный для совершения кражи запасся таким предметом, который может быть также использован и для защиты, и для нападения, например, лом, взятый для того, чтобы сломать забор; топор, чтобы прорубить стену, и т. п.

При совершении кражи несколькими лицами достаточно, чтобы ответственность за вооруженную кражу несли все соучастники, если один из них был вооружен, а другие знали об этом. Но если последние не были осведомлены об этом, то они отвечают на общих основаниях.

6. Усиление ответственности за квалифицированную кражу.

Говоря об ответственности за тот или другой вид квалифицированной кражи, мы приводили те наказания, которые установлены за него в отдельных статьях Особенной части. Следует отметить, что на основании ст. 36 УК РСФСР к виновным в совершении той или иной квалифицированной кражи (пункты «б», «в», «г» и «д» ст. 162, ст. 166) может быть применено удаление из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местах как дополнительное наказание на срок до пяти лет. Аналогичные постановления имеются и в УК других республик.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГРАБЕЖ И РАЗБОЙ

§ 1. Грабёж

1. Грабёж есть открытое похищение чужого имущества, совершенное без насилия или с насилием, но не опасным для жизни и здоровья.

Объектом грабежа является имущество, понимаемое в том же смысле, что и при краже.

Отличие грабежа от кражи заключается в объективной стороне преступления — в способе действия, в открытом характере похищения.

УК союзных республик, следуя за УК 1922 г., считают похищение открытым, когда оно произведено «в присутствии лица, обладающего, пользующегося или владеющего имуществом». Одного фактического присутствия недостаточно; необходимо, чтобы потерпевший сознавал, что у него похищается имущество. Поэтому похищение у спящего будет кражей, а не грабежом.

В зависимости от того, совершается ли открытое похищение без насилия или с насилием, различаются два основных вида грабежа. Насилие не должно представлять опасности для жизни и здоровья, но обязательно должно быть средством похищения.

С субъективной стороны грабёж может быть только умышленным преступлением. Как и при краже, виновный должен сознавать, что он похищает чужое имущество, что он действует открыто, и желает этого. Поэтому умысел может быть только прямым. Кроме того, как и при краже, виновный действует со специальной целью — целью присвоения чужого имущества.

Субъектом грабежа может быть всякое вменяемое физическое лицо.

2. Грабёж без насилия. Наше право знает два вида такого грабежа — простой грабёж и квалифицированный. Простым грабёж будет тогда, когда он совершается одним лицом и в первый раз (ч. 1 ст. 165 УК РСФСР). Грабёж переходит в квалифицированный, если он совершается «группой» или повторно (ч. 3 ст. 165). Для состава группы достаточно и двух лиц, действующих как соучастники. Понятие повторности понимается так же как и при краже.

Наказание за простой грабёж — лишение свободы на срок до одного года, за квалифицированный грабёж без насилия — лишение свободы на срок до пяти лет.

Как уже указывалось выше, наряду с тайным похищением лошадей, скота и оружия наш закон предусматривает и открытое похищение этих объектов. Других видов квалифицированного грабежа без насилия советские УК не знают. Между тем, мы видели, что кража квалифицируется по ряду признаков. Поскольку простой грабеж наказывается строже, чем простая кража, следует признать, что осложнение простого грабежа признаками, усиливающими ответственность при краже, должно влечь более строгое наказание и за грабеж, по аналогии с соответствующими постановлениями о краже.

3. *Грабеж с насилием.* Грабеж с насилием предусмотрен всеми УК союзных республик (ч. 2 ст. 165 УК РСФСР).

УК РСФСР 1922 г. прямо указывал на то, что насилие при грабеже не должно быть опасным для жизни и здоровья (ст. 183). Для УК 1926 г. это требование вытекает из сопоставления ч. 2 ст. 165 со ст. 167, определяющей понятие разбоя.

Под *насилием* следует понимать прежде всего насилие над личностью, состоящее в нанесении ударов, побоев и иных насильственных действиях, сопряженных с причинением физической боли (ст. 146 УК РСФСР). Насилием будет и связывание человека, запираение в комнате, с целью лишить его возможности оказать сопротивление похищению имущества. Под насилием при грабеже следует понимать и причинение легкого телесного повреждения (ст. 143), поскольку оно не представляется опасным для здоровья.

Закон говорит только о насилии как средстве похищения, умалчивая об угрозе. Однако необходимо признать, что и угроза применить физическое насилие является способом действия при грабеже. В отличие от угрозы при разбое, виновный должен угрожать насилием, неопасным для жизни и здоровья. Угроза должна, во всяком случае, по своему значению, по своему воздействию на потерпевшего, быть равнозначной насилию — она должна быть наличной, то есть грозить непосредственным причинением зла, и действительной, то есть представляться потерпевшему вполне реализуемой.

Физическое или психическое насилие при открытом похищении должны быть средством перехода имущества от потерпевшего к виновному. Между преступным приобретением имущества и насилием должна, таким образом, иметься *причинная связь*. Насилие может служить средством принуждения потерпевшего не оказывать грабителю сопротивления. Насилием можно заставить потерпевшего самого передать имущество грабителю или указать, где оно находится.

Грабеж с насилием является *оконченным* с момента завладения виновным имуществом потерпевшего. Насилие, оказанное после этого, хотя бы и для удержания похищенной вещи, является самостоятельным преступлением, и виновный должен отвечать по правилам о совокупности.

С субъективной стороны насильственный грабеж, как и грабеж без насилия, требует прямого умысла.

Наказание за грабеж с насилием по УК РСФСР — лишение свободы на срок до трех лет.

4. Грабеж с насилием становится *квалифицированным* при повторности и при совершении его группой (ч. 3 ст. 165). Таким образом, квалифицированный грабеж как без насилия, так и с насилием наказывается одинаково — лишением свободы на срок до пяти лет. УК Узбекской ССР избежал такого рода несоответствия, выделив грабеж без насилия в отдельную статью (ст. 229) с наказанием в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок до одного года и отнеся квалифицирующие признаки только к грабежу с насилием (ст. 230). Эти признаки — повторность и группа — кодекс понимает в более ограничительном смысле, поясняя их в скобках как «рецидив» и «шайку».

Наказание — лишение свободы на срок до пяти лет.

§ 2. Разбой

1. *Разбой есть открытое похищение чужого имущества посредством нападения, совершенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего.*

Объект при разбое тот же, что и при грабеже. Советские УК определяют разбой как открытое с целью завладения чужим имуществом нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего (ст. 167 УК РСФСР). Такая формулировка может вызвать представление, что разбой является оконченным, как только произошло нападение. Но такое понимание состава разбоя было бы неправильным. Объектом разбоя является не личность, а чужое имущество, и разбой является одним из видов его похищения.

С *объективной стороны* разбой отличается от насильственного грабежа интенсивностью нападения — насилие, применяемое при нем, опасно для жизни и здоровья. Таким насилием является насилие, причинившее смерть или тяжкое телесное повреждение. Как и при грабеже, угроза соответствующим насилием равносильна по своему значению самому насилию.

С *субъективной стороны* нападающий сознает, что потерпевший воспринимает насилие или угрозу как опасные для его жизни или здоровья. Угрожающий незаряженным, испорченным револьвером или предметом, которому придано внешнее сходство с револьвером, отвечает за разбой, потому что потерпевший принимает его за настоящий револьвер и нападающий именно на это и рассчитывает.

Субъектом разбоя может быть всякое вменяемое лицо.

Наряду с разбоем, советское уголовное право знает и бандитизм (ст. 17 Положения о преступлениях государственных, ст. 59³ УК РСФСР). Наличие этого состава требует отграничения его от разбоя. Бандитизм отнесен к числу особо опасных преступлений против порядка управления, разбой является имущественным преступлением. Для состава бандитизма необходимо существование банды, то есть сплоченной группы, состоящей хотя бы из

двух лиц, и при том группы вооруженной. Разбой может быть совершен и одним лицом. Признак вооруженности необязателен для разбоя, он только квалифицирует его. Разбой может быть совершен и несколькими лицами. В этих случаях должно быть установлено, имелось ли случайное объединение, простое соучастие или же участники нападения действовали как сплоченная группа-банда. Разбойное нападение имеет своей целью захват, похищение имущества, банда может быть организована вообще для нападения на отдельных граждан, на учреждения, поезда и т. д. При бандитизме преступление считается законченным, когда организовалась банда, хотя бы никакого нападения не последовало. Момент нападения при разбое образует покушение на него, оконченным же разбой считается с переходом имущества потерпевшего к виновному.

Наше право знает два вида разбоя: простой и квалифицированный.

2. *Простой разбой.* В определении понятия простого разбоя в советских УК нет единства. УК РСФСР 1926 г. в первоначальной своей редакции определял разбойное нападение как нападение отдельного лица. При изменении редакции статьи в 1929 г. указание на отдельное лицо в ч. 1 ст. 167 было опущено. Таким образом, по УК РСФСР разбой, совершенный хотя бы и несколькими лицами, при отсутствии квалифицирующих признаков может быть простым разбоем. УК Украинской ССР простым считает разбой только тогда, когда он совершен отдельным лицом (ч. 1 ст. 174).

Наказание за простой разбой по УК РСФСР — лишение свободы на срок до пяти лет.

3. *Квалифицируется по УК РСФСР разбой:* 1) повторный, 2) повлекший за собой смерть или тяжкое увечье и 3) вооруженный, по УК Украинской ССР — также совершенный «группой лиц».

Понятие повторности — то же, что и при краже и грабеже. Для состава этого вида разбоя безразлично, совершен ли разбой одним или несколькими лицами.

Под тяжелым увечьем следует понимать тяжкое телесное повреждение, предусмотренное ст. 142 УК РСФСР. При разбое, квалифицируемом по последствиям, возникает вопрос о субъективном отношении к ним виновного. Для состава этого вида разбоя не требуется, чтобы виновный желал или хотя бы допускал наступление этих последствий. Достаточно, чтобы они могли быть поставлены в вину хотя бы как неосторожные последствия нападения; например, потерпевший оказывает сопротивление, и во время борьбы с нападающим револьвер последнего дает выстрел, который ранит или убивает потерпевшего.

Но если под разбираемый вид разбоя подходят даже случаи неосторожного причинения при нападении тяжкого телесного повреждения или смерти, то тем более он имеется налицо, когда нападающий желал наступления этих последствий или допускал их. Умышленное тяжкое телесное повреждение или убийство при разбое не являются самостоятельным преступлением. Они

входят в состав разбоя как один из способов действия при этом преступлении. Но так как советское уголовное право предусматривает особо умышленное убийство с корыстной целью (п. «а» ст. 136 УК РСФСР), то необходимо разграничить этот вид убийства от умышленного убийства, совершенного при разбое. Для разбоя характерно открытое убийство, так как разбой является открытым похищением имущества. Убийство путем отравления, хотя бы и с корыстной целью, будет квалифицированным убийством, а не разбоем. С другой стороны, корыстная цель при разбое состоит в завладении имуществом, находящимся у потерпевшего. Убийство из корысти может быть совершено для завладения наследством убитого, может быть убийством по подкупу и т. д.

Вооруженный разбой не выделялся в первоначальной редакции УК РСФСР 1926 г. и введен при изменении ст. 167 в 1929 г. Некоторые УК союзных республик, например, УК Украинской ССР, не предусматривают его. Оружие должно пониматься в смысле, установленном выше при анализе понятия вооруженной кражи.

Наказание за квалифицированный разбой по УК РСФСР — лишение свободы на срок до десяти лет. Вооруженный разбой «при особо отягчающих обстоятельствах» влечет за собой расстрел. Такими обстоятельствами могут быть особая жестокость, проявленная нападающим к потерпевшему, число жертв и т. п.

К квалифицированному грабежу как без насилия, так и с насилием, а равно и к разбою применима ст. 36 УК РСФСР.

4. УК Украинской ССР предусматривает специальный состав: похищение чужого имущества посредством приведения потерпевшего в бессознательное состояние (ч. 1 ст. 176).

Эта статья предусматривает случаи, когда виновный употребил какие-либо одурманивающие, усыпляющие средства, чтобы лишить потерпевшего возможности сознавать происходящее затем похищение и тем самым возможности оказать какое бы то ни было сопротивление. В бессознательное состояние потерпевший может быть приведен и путем физического насилия, например, ударом по голове. В таком случае мы будем иметь грабеж с насилием или разбой в зависимости от характера насилия, во всяком случае — открытое похищение, рассматриваемый же состав предусматривает специальный случай тайного похищения. При отсутствии такого специального состава по УК других республик такие действия могут квалифицироваться как кража с применением технических средств и по совокупности — как соответствующее телесное повреждение.

Наказание — лишение свободы на срок до трех лет.

Преступление считается квалифицированным, если бессознательное состояние потерпевшего было достигнуто «путем применения средств, опасных для жизни или здоровья потерпевшего» (ч. 2 ст. 176).

Наказание в этом случае — лишение свободы на срок до 6 лет.

Не требуется, чтобы наступили вредные последствия для здоровья, достаточно, чтобы примененные средства были сами по себе опасными для здоровья или жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО

1. *Вымогательство есть принуждение виновным потерпевшего к передаче ему имущества или предоставлению имущественных выгод под угрозой насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества.*

Формулировка состава значительных расхождений в кодексах ссюзных республик не имеет.

Объектом вымогательства является чужое имущество, понимаемое шире, чем при краже, грабеже и разбое. При этих преступлениях, обнимаемых понятием похищения, объектом является имущество в смысле вещи, то есть предметы внешнего мира. Объектом вымогательства может быть не только вещь, но и право на имущество и вообще действие имущественного характера. Вымогатель во всех случаях приобретает имущественную выгоду, потерпевший же несет имущественный ущерб. По своему объекту вымогательство совпадает с мошенничеством, отличаясь от него способом действия. Последний сближает вымогательство с насильственным похищением.

УК РСФСР (ст. 174) говорит о передаче «каких-либо имущественных выгод или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного свойства», но ничего не говорит о передаче имущества, как это делает УК Украинской ССР (ст. 188). Но под передачей имущественных выгод можно понимать передачу имущества и в смысле вещи. Под имущественными правами и выгодами не следует понимать только те права и выгоды, которыми потерпевший располагает в то время, когда он подвергается вымогательству. Можно предъявлять требования и на то, что потерпевший будет иметь лишь со временем.

С *объективной стороны* вымогательство состоит в принуждении потерпевшего передать вымогателю имущественные выгоды.

Средством принуждения является *угроза причинить потерпевшему определенное зло*. Потерпевший действует под страхом насилия над его личностью, оглашения позорящих о нем сведений или истребления его имущества. Таким образом, не всякая угроза достаточна для состава вымогательства. Требование передать имущество под угрозой порвать дружбу и т. п. не будет вымогательством.

Насилие над личностью, которым угрожает вымогатель, понимается в том же смысле, как и при грабеже и разбое: оно может

состоять в телесном повреждении, лишении жизни. При насильственном похищении виновный может угрожать подсыльным же насилием; особенность вымогательства заключается в том, что виновный угрожает применить насилие не сейчас, а в будущем.

Этим только и можно объяснить, почему закон устанавливает за вымогательство более легкое наказание, чем за простой разбой — лишение свободы на срок до трех лет. Угроза применить насилие немедленно способна скорее сломить противодействие потерпевшего, она, несомненно, представляет для него большую опасность. При вымогательной угрозе потерпевший имеет возможность обратиться за помощью к власти, что, как правило, исключается при открытом насильственном похищении.

Закон предусматривает, далее, как средство вымогательства, угрозу *истребить имущество* потерпевшего. Советское уголовное право устанавливает одинаковое наказание как за истребление, так и за повреждение имущества (ст. 175 УК РСФСР). Способ, которым виновный угрожает истребить или повредить имущество, безразличен.

Наконец, угроза при вымогательстве может заключаться в угрозе *оглашения позорящих потерпевшего сведений*. Этот вид вымогательства обычно называется *шантажом*. Так он назывался в УК РСФСР 1922 г. (ст. 195), такое же название сохранилось за ним в УК Узбекской ССР (ст. 244). Под оглашением не следует понимать публичное разглашение сведений или сообщение их нескольким лицам. Достаточно, если вымогатель угрожает сообщить позорящие сведения хотя бы одному лицу, от которого потерпевший хотел бы сохранить их втайне. Что должно считаться позорящими сведениями, решается с точки зрения потерпевшего, причем возможно, что по мнению третьих лиц такого рода сведения и не являются позорящими. Сведения могут касаться действий и поведения самого потерпевшего, но могут иметь в виду и действия, которые совершены над потерпевшим. Вымогатель, например, угрожает разгласить, что потерпевшая была изнасилована, тогда как она желала бы сохранить это свое несчастье втайне. Сведения могут относиться и к состоянию потерпевшего, например, о его венерической болезни.

Для состава вымогательств безразлично, соответствуют ли сведения истине или же они вымышлены. Решающим является то обстоятельство, что угроза огласить их оказалась достаточной, чтобы заставить потерпевшего передать вымогателю имущественные выгоды.

Наряду с угрозой огласить позорящие потерпевшего сведения, УК РСФСР 1922 г. говорил и об угрозе сообщить властям о противозаконном деянии потерпевшего. УК РСФСР 1926 г., как и большинство УК других республик, не упоминает об этой угрозе. Поскольку противозаконное действие имело позорящий потерпевшего характер, угроза огласить его подпадает и под действующую редакцию статьи о вымогательстве. УК Узбекской ССР сохранил редакцию УК РСФСР 1922 г.

Под противозаконными действиями следует понимать такие

действия, которые могут повлечь за собой возбуждение уголовного, административного или дисциплинарного преследования. Угроза огласить сведения о нарушении гражданских законов, если нарушение само по себе не носит ничего позорящего, не может считаться уголовно-наказуемой угрозой.

В то время как угроза насилием над личностью или истреблением имущества носит определенный характер, угроза при шантаже может быть весьма замаскированной. Иногда достаточно намека, понятного только потерпевшему.

Угроза при шантаже, как и вообще при вымогательстве, может быть устной и письменной. Шантаж путем печати — явление столь типичное для буржуазной печати — совершенно исключен в советских условиях.

Вымогательная угроза должна быть средством принуждения потерпевшего к передаче виновному имущества, прав на имущество или предоставления ему имущественных выгод. Между угрозой и действиями потерпевшего должна быть, таким образом, *причинная связь*. Потерпевший действует под страхом угрозы. Безразлично, угрожает ли зло ему самому или его близким. Часто угроза последнего рода может быть воспринята еще сильнее.

Действия потерпевшего выражаются в том, что он передает вымогателю имущество, например, деньги, отказывается в его пользу от своих имущественных прав и т. п.

Вымогательство по своему существу должно считаться *оконченным* с момента получения виновным имущественных выгод. Наши УК формулируют состав этого преступления так, что оно считается оконченным уже при доведении до сведения потерпевшего вымогательной угрозы. Тем самым исключена возможность применения правил о добровольно оставленном покушении. Между тем, при вымогательстве потерпевшему назначается обычно известный срок, к которому он должен выполнить предъявленное ему требование, а за это время виновный может сам отказаться от своих преступных намерений.

Если вымогатель приведет свою угрозу причинить насилие над личностью или истребить имущество в исполнение, то он должен отвечать по совокупности за вымогательство и за насилие или за повреждение имущества.

С *субъективной стороны* вымогательство требует прямого умысла. Виновный сознает, что своей угрозой он заставляет потерпевшего предоставить ему имущественные выгоды, и желает этого. Если он ошибся в своих расчетах, и лицо, к которому он обратился с вымогательной угрозой, в действительности не испугалось ее, то такая ошибка не имеет значения для состава преступления.

Субъектом вымогательства может быть всякое вменяемое лицо. Должностное лицо, использовавшее свое служебное положение для получения путем вымогательной угрозы взятки, будет отвечать за квалифицированную взятку (ч. 2 ст. 117 УК РСФСР).

2. Наши УК не предусматривают прямо таких случаев, когда виновный угрожал немедленным применением насилия или даже применял насилие, чтобы заставить потерпевшего отказаться от

своих имущественных прав или выгод. Понятием насильственного похищения эти случаи не охватываются, потому что объектом его может быть имущество только в смысле конкретной вещи. Для вымогательства, с другой стороны, характерно, что виновный угрожает применить насилие только в будущем. По степени своей опасности для личности потерпевшего указанные выше действия равнозначные с насильственным похищением и заслуживают наказания не меньшего, чем грабеж с насилием или разбой. Сравнительно небольшое наказание, установленное за вымогательство, и отсутствие квалифицирующих видов его показывает, что законодатель не относил такого рода случаи к вымогательству. Поэтому, если угроза насилием носила такой же характер, что и при разбое, и виновный требовал передачи ему прав на имущество, то следует применять по аналогии статьи о разбое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МОШЕННИЧЕСТВО

§ 1. Общее понятие

1. Мошенничество есть приобретение чужого имущества посредством обмана или злоупотребления доверием потерпевшего.

2. Объектом мошенничества является чужое имущество, понимаемое в том же смысле, как и при вымогательстве. УК РСФСР 1922 г. говорил об «имуществе и праве на имущество» (ст. 187). УК РСФСР 1926 г. определяет мошенничество как «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущества или иных личных выгод» (ст. 169). Под личными выгодами следует понимать имущественные выгоды. Это вытекает прежде всего из того, что мошенничество помещено среди посягательств против имущества, а не против личности. Если считать мошенничеством всякий обман в личных целях, то объем этого преступления станет безграничным. Обман как способ действия может входить в состав других преступлений. Так, ст. 88 УК РСФСР предусматривает обман при регистрации актов гражданского состояния; половое сношение, достигнутое путем обмана потерпевшей, наказывается по ст. 153 УК.

Формулировка УК РСФСР воспроизводится в четырех республиканских кодексах (Белорусской, Армянской, Азербайджанской и Туркменской ССР). Остальные четыре УК в определении объекта мошенничества сохранили редакцию УК РСФСР 1922 г.

3. С объективной стороны мошенничество заключается в получении чужого имущества посредством обмана или злоупотребления доверием.

а) Обман при мошенничестве является специфическим признаком, отличающим мошенничество от других способов преступного приобретения имущества.

В УК РСФСР 1922 г. определение понятия обмана давалось в примечании к ст. 187: «Обманом считается как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательным». Ни УК РСФСР 1926 г., ни другие республиканские кодексы, кроме УК Азербайджанской и Узбекской ССР, не сохранили этого примечания. Но при теоретическом анализе понятия обмана законодательное определение, содержащееся в УК Узбекской ССР, дает весьма ценные указания.

Под сообщением сведений предполагается сообщение сведений об определенных обстоятельствах. Следовательно, обманом яв-

ляется ложное утверждение о существовании определенных обстоятельств.

Обстоятельствами, о которых говорится в примечании к ст. 233 УК Узбекской ССР, являются факты, относящиеся к прошлому или настоящему. Ложное утверждение о фактах состоит в утверждении, что они существовали или существуют, тогда как их нет или не было в действительности. Заверения, относящиеся к будущему (например, человек, желающий занять у другого деньги, заверяет, что он уплатит долг в срок, на самом же деле прекрасно знает, что ему нечем будет расплатиться), не достаточны для состава мошенничества. Иное дело, если занимающий в долг сообщает ложные сведения о размерах своего заработка, об имуществе, которое может служить обеспечением его долга.

Так как для обмана необходимо утверждение о фактах, то высказывание лишь предположений недостаточно для состава мошенничества. Высказанное предположение о том, что продаваемый теленок породистый, не вводит покупателя в заблуждение. Но если продающий теленка в доказательство его породистости ложно ссылается на мнение о том специалиста, то состав мошенничества налицо. В этом случае мы будем иметь ложное утверждение о несуществующем факте — мнении специалиста. Расхваливание качеств продаваемой вещи, уверения вроде того, что «платью износа не будет», не составит уголовно-наказуемого обмана. Но будет отвечать за мошенничество тот, кто в целях получения большей суммы денег прикрепит на продаваемый им костюм фабричную или торговую этикетку от более дорогого костюма.

Факты, существование которых виновный ложно утверждает, могут быть самыми разнообразными. Мошенник может выдать себя за лицо, уполномоченное на получение данного имущества, на продажу или сдачу в наем несуществующего имущества. Обман может касаться качества или количества продаваемого и т. д.

Ложные утверждения о фактах не должны непременно выражаться в высказываниях. Во многих случаях говорит сама за себя обстановка. Выставленный прейскурант утверждает, что цена данного товара соответствует установленным соответствующими органами розничным расценкам. Надпись «высший сорт» свидетельствует о том, что товар по своему качеству является таковым, а не средним или низшим сортом. Союзный закон об обвешивании и обмеривании покупателей 1934 г. (ст. 128-в УК РСФСР) прекрасно конкретизирует объективную сторону преступления, указывая в качестве примера на пользование при продаже неверными весами, гирями и прочими неправильными измерительными приборами, на продажу товаров низшего сорта по цене высшего и т. п.

Обман может состоять, далее, в *сокрытии обстоятельств*, сообщение о которых было обязательно. Под сокрытием не следует понимать исключительно активную деятельность, когда виновный, например, маскирует недостатки товара. Здесь имеется в виду и сокрытие в смысле бездействия, в смысле умолчания об опреде-

ленных обстоятельствах, и именно таких, сообщение о которых, как говорит УК Узбекской ССР, было обязательным. Обязательным следует считать сообщение о таких фактах, знание о существовании которых остановило бы потерпевшего от передачи виновному имущественных выгод.

Здесь встает чрезвычайно важный вопрос об использовании чужой ошибки, использовании чужого заблуждения, связанный с вопросом о границе, отделяющей гражданский обман от обмана уголовно-наказуемого.

Проф. Фойницкий считал, что гражданский обман имеется там, где обманывающий употребил во зло свое знание фактов, которые неизвестны другой стороне, пользуясь ее неведением или ошибочным о них представлением. Но для уголовно-юридического обмана недостаточно, по мнению автора, простого пользования ошибкой, тем более, что пользование ошибкой другого есть пользование отсутствующими у ошибающегося знаниями. «Но знание само по себе, — замечает автор, — есть капитал, нередко приобретаемый с значительными затратами. Делиться безвозмездно ни на ком не лежит юридической обязанностью»¹. Трудно выразить более оголенно, неприкрыто капиталистический взгляд на содержание понятия обмана.

Проф. Хеглер считает, что «безнадежной является попытка дать принципиальные указания, которые помогли бы провести границу между гражданским и уголовным обманом». «Мы имеем дело с вопросом, заинтересовано ли вообще государство в сохранении индивидуальной деятельности и в частности настолько, что следовало бы прибегнуть к уголовно-правовому воздействию. Имеется ли такого рода случай — будет всегда в большей или меньшей степени делом чувства»².

Приведенные рассуждения буржуазных криминалистов показывают, что содержание понятия гражданского и уголовного обмана определяется в буржуазном праве всем экономическим и социально-политическим укладом капиталистического общества. Несомненно, что советское право шире определяет содержание уголовного обмана. Иначе проводит оно и границу, отделяющую гражданский обман от уголовного. Там, где буржуазный правопорядок не усматривает обязанности сообщать лицу, вступающему в сделку, об обстоятельствах, ему неизвестных, согласно правилам социалистического общежития будет налицо не только гражданский, но и уголовный обман.

Обман при мошенничестве должен быть средством преступного приобретения имущества. Следовательно, между первым и вторым должна существовать причинная связь. При мошенничестве, как и при вымогательстве, потерпевший сам передает имущество виновному. Но при вымогательстве потерпевший сознает, что виновный не имеет права на имущество, потерпевший действует

¹ Фойницкий, Курс уголовного права, часть Особенная, 3-е изд., 1900 г., стр. 234.

² Хеглер, Сравнительное изложение германского и иностранного законодательства, 1907 г., т. VII, стр. 528.

под влиянием вымогательной угрозы. При мошенничестве же действующий под влиянием обмана считает, что виновный имеет право на имущество.

Обман может быть применен и при других имущественных преступлениях. Так, вор может проникнуть в чужую квартиру под видом монтера в целях совершения кражи. В данном случае будет кража, а не мошенничество, потому что виновный похищает имущество, и притом тайно от потерпевшего.

б) Советское уголовное право в качестве средства при мошенничестве указывает не только на обман, но и на **злоупотребление доверием**. Этим конструкция мошенничества в советском уголовном праве существенно отличается от понятия мошенничества в буржуазном праве. В буржуазном законодательстве субъектом злоупотребления доверием является лицо, имеющее полномочия на распоряжение чужим имуществом или в силу частного соглашения, что является общим правилом, или в силу закона, например, опекун. Объективная сторона преступления заключается не только в незаконном обогащении виновного путем злоупотребления своих полномочий. Эти полномочия он может употребить во зло, нанеся вред имущественным интересам потерпевшего, без приобретения одновременно для себя какой-либо имущественной выгоды. Наличие такого состава в буржуазном праве объясняется потребностью в широкой охране интересов капиталистических предпринимателей.

Советскому уголовному праву известно, по существу, понятие причинения имущественного вреда путем злоупотребления властью или служебным положением. Должностное лицо в данном случае безусловно «употребляет во зло» оказываемое ему советской властью доверие. С этой точки зрения можно отнести к злоупотреблению доверием причинение имущественного ущерба государственному или общественному предприятию или учреждению должностным лицом, злоупотребившим предоставленной ему властью или своим служебным положением (ст. 109 УК РСФСР), расхищение социалистического имущества должностным лицом, руководящим государственным или общественным учреждением или предприятием, путем заключения невыгодных сделок по соглашению с контрагентами этих учреждений или предприятий (ст. 129). Союзный закон 31 мая 1935 г. предложил союзным республикам установить уголовную ответственность опекунов, использующих опеку над детьми в корыстных целях (ст. 158¹ УК РСФСР).

В советских условиях не ощущается необходимости рассматривать как уголовно-наказуемое действие злоупотребление доверием частных лиц без корыстных целей. В этом случае достаточно одной гражданской ответственности. Согласно ст. 253 Гражданского кодекса РСФСР поверенный обязан возместить убытки доверителю, если таковые понесены последним вследствие умысла поверенного.

Но корыстное злоупотребление доверием наше право рассматривает как мошенничество. Не следует при этом понимать зло-

употребление доверием в узком смысле, как злоупотребление специальными полномочиями, вытекающими из закона или предоставленными по договору. В основе доверия, которое потерпевший питает к виновному, могут лежать и чисто фактические отношения. Так, будет мошенничеством случай, когда потерпевший, уплатив долг, поверит кредитору, что тот вернет ему долговую расписку, а кредитор воспользуется этим и потребует вторичной уплаты. Под злоупотреблением доверием следует понимать и злоупотребление доверчивостью — использование неопытности, неразвитости другого лица, непонимания им заключаемой сделки и т. п. В ряде случаев злоупотребление доверием близко соприкасается с обманом, в смысле сокрытия обстоятельств, сообщение о которых было обязательно для виновного. Злоупотребление доверием как средство мошеннического приобретения имущества дает, таким образом, возможность преследовать в уголовном порядке и случаи, не охватываемые понятием обмана и не наказуемые в буржуазном обществе, но заслуживающие наказания с точки зрения советского правопорядка.

4. С субъективной стороны для состава мошенничества требуется прямой умысел. Виновный сознает, что он не имеет права на имущество, сознает, что получает его посредством обмана или злоупотребления доверием, и желает таким путем приобрести имущество в свою пользу. Обманывающий в шутку, с целью посмеяться над легкомыслием или легковерием кого-либо, имеющий в виду возратить имущество обманутому, не совершает мошенничества.

5. Субъектом мошенничества может быть всякое вменяемое лицо.

§ 2. Виды мошенничества

1. С точки зрения УК советских союзных республик можно различать простое и квалифицированное мошенничество. Кроме того, нашим кодексам известен и особый вид мошенничества, предусмотренный союзным законодательством, — чековое мошенничество.

Простое мошенничество УК РСФСР 1922 г. определялось как «получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана» (ст. 187). Моментом окончания мошенничества считалось получение виновным имущества. УК РСФСР 1926 г. окончанным считает мошенничество не тогда, когда виновный получил имущество, а когда он злоупотребил доверием или обманул потерпевшего. Такого рода конструкция не вызывается практическими потребностями. При вымогательстве советское уголовное право считает преступление оконченным при доведении угрозы до сведения потерпевшего. В этом случае потерпевший уже находится под страхом угрозы, он ощущает реально посягательство на свою личность. При мошенничестве таких переживаний нет. Большая несогласованность получается, далее, и в том отношении, что при квалифицированном мошенничестве (ч. 2 ст. 169 УК РСФСР)

оконченным преступление считается лишь тогда, когда причинен ущерб государственному или общественному учреждению. Нет никаких оснований предоставлять имуществу частных лиц более усиленную уголовную охрану, чем социалистическому.

Наказание за простое мошенничество по УК РСФСР — лишение свободы на срок до двух лет. В отличие от кражи и других посягательств на имущество частных лиц, при которых предусматривается ряд квалифицирующих обстоятельств, при мошенничестве такого рода обстоятельства не предусматриваются.

Между тем, могут быть случаи, когда жертвой ловкого мошенника являются одновременно многие люди, или когда виновный проявит особое коварство, или вообще окажется профессиональным мошенником.

2. **Квалифицированным мошенничеством** по УК советских республик считается мошенничество, объектом которого является социалистическое имущество. Хотя УК РСФСР в ч. 2 ст. 169 говорит о причинении убытка государственному или общественному учреждению, но само собой разумеется, что квалифицированным мошенничеством будет направленное и против социалистических предприятий. С субъективной стороны необходимо сознание виновного, что он причиняет убыток государственному или общественному предприятию или учреждению, и желание причинить такой убыток.

Наказание за этот вид мошенничества — лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества. Применима и ссылка (ст. 36 УК РСФСР).

Закон 7 августа 1932 г. применим и к мошенничеству в тех случаях, когда убыток социалистическому имуществу причинен в особо крупных размерах, совершен по сговору с должностными лицами, когда он учинен классово-враждебными элементами.

3. **Чековое мошенничество.** Постановлением 6 ноября 1929 г. ЦИК и СНК Союза ССР утвердили Положение о чеках (СЗ 1929 г. № 73, ст. 696). Положение это преследовало чрезвычайно важную цель укрепления советской денежной и кредитной системы, установления твердого порядка в безналичных расчетах. Так как Положение придавало чекам силу денежных документов, то необходимо было обеспечить правильное обращение их угрозой уголовного наказания. Утверждая Положение, ЦИК и СНК СССР предложили правительствам союзных республик дополнить УК соответствующими карательными постановлениями. Новый деликт предусмотрен в УК РСФСР в ст. 169-а.

Объектом чекового мошенничества является имущество как частных лиц (ч. 1 ст. 169-а), так и государственных учреждений и предприятий (ч. 2 ст. 169-а).

С объективной стороны чековое мошенничество может выразиться: а) в выдаче чекодателем чека, не подлежащего оплате, б) в отмене им чека без уважительных причин или принятии каких-либо иных мер, препятствующих чекодателю получить сумму чека, и, наконец, в) в передаче чекодержателем чека, не подлежащего оплате.

С субъективной стороны чековое мошенничество, как всякое мошенничество, может быть только умышленным преступлением. УК говорит о выдаче чекодателем чека, заведомо для него не подлежащего оплате. Виновный сознает, что он выдает негодный чек, намеренно нарушая формальные требования закона или зная, что текущий его счет в данном кредитном учреждении исчерпан. Виновный сознает, что он вводит потерпевшего в заблуждение, что он обманывает его и таким образом незаконно получает имущественную выгоду, и желает получить ее именно таким путем. Если чекодатель по ошибке не выполнил при выдаче чека всех требуемых законом условий или же по неосторожности не учел того, что у него уже более нет покрытия в кредитном учреждении, то он не может отвечать за чековое мошенничество.

Прямой умысел требуется и в тех случаях, когда чекодержатель пускает в обращение не подлежащий оплате чек. Уголовный закон при этом говорит о «заведомости» действия виновного.

Не подчеркивается в законе субъективный момент для того случая, когда действие с объективной стороны состоит в отмене чека без уважительных причин или в принятии чекодателем каких-либо иных мер с целью воспрепятствовать чекодержателю получить указанную в чеке сумму денег. Но ясно, что чекодатель тогда только может ответить в уголовном порядке, когда он действовал с сознанием и желанием лишить незаконно чекодержателя возможности получить по чеку и тем самым приобрести для себя имущественную выгоду. Это желание может возникнуть у виновного и после того, как он выдал чек. В момент выдачи он мог и не думать обмануть чекодержателя, но когда принимал те или иные меры, чтобы воспрепятствовать чекодержателю получить по чеку, он сознавал, что обманывает чекодержателя, и желал использовать его неведение с целью получения имущественной выгоды.

Советское уголовное право знает два вида чекового мошенничества: простое и квалифицированное.

Простое чековое мошенничество имеет своим объектом имущество частных лиц (ч. 1 ст. 169-а).

Наказание — лишение свободы на срок до двух лет. Оконченным простое чековое мошенничество считается не с момента причинения потерпевшему убытка, а когда чек выдан, передан или приняты меры к неполучению денег по чеку.

Квалифицированным является чековое мошенничество, направленное против государственного или общественного учреждения или предприятия (ч. 2 ст. 169-а). Преступление считается оконченным, когда этим учреждениям или предприятиям причинен убыток.

Наказание — лишение свободы на срок до пяти лет. При наличии известных условий возможно и применение закона 7 августа 1932 г.

Субъектом чекового мошенничества, простого и квалифицированного, может быть только частное лицо. Должностные лица

отвечают по статье о злоупотреблении властью или своим служебным положением.

Конструкция состава чекового мошенничества является одинаковой во всех республиканских кодексах.

§ 3. Преступления, примыкающие к мошенничеству

1. В главе об имущественных преступлениях УК союзных республик предусматривают ряд составов, частично подпадающих под общее понятие о мошенничестве, но вместе с тем содержащих и такого рода элементы, которые не дают полностью охватить эти преступления этим общим понятием.

Учитывая постановления УК отдельных союзных республик, к преступлениям, примыкающим к мошенничеству, можно отнести: 1) подлог документов, 2) фальсификацию, 3) подделку пробирных клейм и 4) злостное уклонение от платежа долгов.

2. *Подлог документов.* УК РСФСР 1922 г. не знал наказуемости приготовления как стадии в развитии преступной деятельности. Этим и можно объяснить, почему вслед за статьей о мошенничестве УК 1922 г. предусматривал в ст. 189 «подделку в корыстных целях как официальных, так и простых бумаг, документов и расписок», если таковая подделка не подходила под признаки подделки официальных документов, о которых говорилось как о преступлении против порядка управления в ст. 85.

С изданием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. приготовление наказывается как стадия преступной деятельности.

Это дает возможность привлекать к уголовной ответственности и за приготовление к мошенничеству, если такое приготовление выразилось в подделке документов.

Тем не менее, УК РСФСР 1926 г. сохранил в главе об имущественных преступлениях статью о подделке в корыстных целях официальных бумаг, документов и расписок (ст. 170). В отличие от УК 1922 г. статья не упоминает о частных («простых» — по терминологии УК 1922 г.) бумагах. Такую же конструкцию корыстного подлога содержат УК Армянской и Таджикской ССР. УК Украинской ССР правильно выделил из главы об имущественных преступлениях подлог официальных документов, хотя бы совершенный из корыстных побуждений. Он говорит в ст. 182 «о подлоге в корыстных целях простых бумаг, документов и расписок, устанавливающих имущественные права и обязанности или выгоды». Такую же формулировку содержит УК Узбекской ССР. Некоторые республиканские кодексы, например, УК Туркменской ССР (ст. 182), говорят и об официальных, и о частных документах.

Подделка официальных документов является преступлением не имущественным, а против порядка управления. Нет никаких оснований выделять из общего понятия о подлоге официальных документов (ст. 72 УК РСФСР) подделку таких же документов, поскольку она совершена из корыстных целей, и рассматривать

ее как привилегированный вид преступления (по ст. 170 наказанием является лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до 1 года или штраф до тысячи рублей, по ст. 72 — лишение свободы на срок до трех лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года). К тому же получается и следующее несоответствие. Подделка частных документов в целях совершения мошенничества должна наказываться как приготовление к этому преступлению по ст. ст. 19 и 169, то есть, иначе говоря, может быть наказана более строго, чем подделка в этих же целях официальных документов. Надо сделать вывод, что во всяком случае подделка частных документов не должна наказываться строже, чем подделка официальных документов.

Говоря только о частных документах, УК Украинской ССР избегает указанной несогласованности. Вместе с тем, подлог частных документов не рассматривается этим кодексом только как приготовление к мошенничеству. Это видно из того, что санкция за подлог частных документов даже выше, чем за простое мошенничество — лишение свободы на срок до двух лет. При простом мошенничестве наряду с этим наказанием предусматриваются и исправительно-трудовые работы на срок до одного года. УК Украинской ССР охватывает и те случаи, когда частные документы имущественного характера подделываются для кого-либо за вознаграждение.

Объектом посяательства при подлоге, предусмотренном в ст. 170 УК РСФСР, является социалистическое имущество.

Объективная сторона преступления заключается в том, что подделывается официальный документ. Закон говорит о «бумагах, документах и расписках», но все эти объекты обнимаются общим понятием документа. Документом является всякий письменный акт, удостоверяющий какие-либо факты, имеющие юридическое значение. Подделка может состоять в изготовлении подложного документа или в переделке подлинного путем подчистки и т. п.

С *субъективной стороны* подлог предполагает умысел. Кроме того кодекс требует, чтобы подделка была совершена в корыстных целях.

Субъектом может быть только частное лицо, потому что должностные лица отвечают по ст. 120 за служебный подлог.

Если виновный использует поддельный документ в мошеннических целях, то он будет отвечать только по статье о мошенничестве.

3. *Фальсификация*. Под фальсификацией советское уголовное право понимает обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления.

Такую формулировку преступления давал УК РСФСР 1922 г. в ст. 190. В следующей статье УК предусматривал квалифицированный вид — фальсификацию предметов потребления, которая имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью.

Наказанием по ст. 190 было лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года с конфискацией фальсифицированных предметов и с запрещением торговли. Фальсификация, опасная для здоровья, наказывалась значительно строже — лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией части имущества и запрещением права торговли. Нарядом с фальсификацией наказывался и сбыт фальсифицированных предметов.

Конструкция УК РСФСР 1922 г. сохранилась в УК Украинской, Узбекской, Таджикской, Азербайджанской и Белорусской ССР. Но наказание за квалифицированную фальсификацию значительно снижено. Так, УК Украинской ССР назначает за нее лишение свободы на срок до одного года с конфискацией части имущества и запрещением заниматься торговлей (ч. 2 ст. 183).

УК РСФСР 1926 г. и остальные республиканские кодексы слили в один состав простую фальсификацию с квалифицированной. УК РСФСР определяет в ст. 171 фальсификацию как «обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если это имело или могло иметь последствием причинение вреда здоровью».

Благодаря такой конструкции понятие наказуемой фальсификации суживается по сравнению с УК 1922 г. — причинение вреда для здоровья или возможность его причинения являются не квалифицирующим обстоятельством преступления, а необходимым его элементом.

Объектом преступления является чужое имущество. Потерпевший терпит известный материальный ущерб, приобретая фальсифицированные предметы, не зная истинных свойств их. С этой точки зрения оправдывается место фальсификации среди имущественных преступлений. Истинным объектом фальсификации является не имущество частных лиц, а установленный советской властью порядок занятия торговлей и промыслами.

По УК РСФСР объектом фальсификации является также здоровье населения.

Внесение в УК 1922 г. статей о фальсификации преследовало в первую очередь задачу борьбы с злоупотреблениями частнокапиталистических элементов, занимавшихся производством предметов широкого потребления или торговлей ими. Рассматриваемая как имущественное преступление фальсификация представляется приготовлением к мошенничеству, возведенным в самостоятельный состав.

С объективной стороны фальсификация состоит в изменении внешнего вида или внутренних свойств предметов. Первое выражается в том, что предметам придаются такие внешние признаки, которые, не изменяя сущности предметов, вызывают представление о лучшем их качестве. Виновный может подкрасить мех, так что он будет казаться более ценным, наклеить на бутылку вина этикетку от более дорогого сорта. Изменение свойств предмета выражается в том, что при неизменной внешности предмета ухуд-

шается его качество, например, молоко разбавляется водой, в чай подмешивается испитой и высушенный чай и т. п. Предметы, которые подвергаются фальсификации, должны предназначаться, как говорит УК, «для сбыта или общественного употребления». Такими предметами могут явиться самые разнообразные товары. Для состава преступления по УК РСФСР требуется, чтобы фальсифицированные предметы представляли опасность для здоровья. С такой опасностью связана, главным образом, фальсификация предметов потребления, о которых именно и говорил УК 1922 г. в ст. 191 (квалифицированный вид фальсификации).

Наравне с фальсификацией советское уголовное право наказывает и сбыт фальсифицированных предметов.

С субъективной стороны фальсифицирование предметов предполагает умышленную деятельность. Виновный сознает, что он обманно изменяет внешний вид или свойства предметов, и желает этого в корыстных целях извлечения имущественной выгоды. В отношении последствий фальсификации — вреда для здоровья или опасности такого вреда — виновный должен действовать неосторожно. Тот, кто, фальсифицируя предметы, сознает, что они представляют опасность для здоровья, и тем не менее относится к этому безразлично, должен отвечать не только за фальсификацию, но и за приготовление к умышленному телесному повреждению. При сознательном допущении опасности для жизни виновный должен быть привлечен к ответственности за приготовление к убийству способом, опасным для жизни многих (п. «в» ст. 136 УК РСФСР). Это показывает, что место фальсификации, связанной с опасностью для здоровья, — не среди имущественных преступлений, а в главе о нарушении правил, охраняющих народное здравие.

Хотя закон ничего не говорит о субъективной стороне при сбыте фальсифицированных предметов, но само собой разумеется, что виновный должен сознавать, что сбываемые им предметы фальсифицированы, и должен желать сбыть их с корыстной целью. В отношении к последствиям к сбывающему применимо все сказанное выше о виновном в фальсификации.

Субъектом преступления может быть только частное лицо. Должностные лица будут отвечать или по ст. 109 или по статье 128-а (выпуск недоброкачественной продукции) и ст. 128-в (обвешивание и обмеривание покупателя) УК РСФСР.

Наказание за фальсификацию по УК РСФСР — лишение свободы на срок до одного года с конфискацией части имущества и запрещением права торговли или штраф до одной тысячи руб.

Конструкция состава фальсификации по УК РСФСР приводит к тому, что фальсификация, не опасная для здоровья, должна преследоваться на общих основаниях как мошенничество и подлежать более строгому наказанию, чем более опасная фальсификация. Такого вывода законодатель, конечно, не мог допустить, и потому более правильным будет за всякую фальсификацию, поскольку она одновременно подходит и под признаки мошенничества, привлекать по совокупности за оба преступления.

4. *Подделка пробирных клейм.* Все изделия и слитки из так называемых благородных металлов — золота, серебра и платины, выпускаемые в обращение, должны иметь узаконенное клеймо, удостоверяющее наличие в этих слитках и изделиях установленного количества благородного металла. Проверка количества наличия этого и наложение клейма — пробы — производится исключительно государственными пробирными учреждениями. Ст. 172 УК РСФСР и соответствующие статьи УК союзных республик предусматривают преступления, состоящие в нарушении правил о наложении этой пробы.

В ст. 172 перечислены следующие преступные действия: а) изготовление и хранение с целью сбыта поддельного пробирного клейма, б) клеймение таковыми изделий и слитков из золота, серебра и платины, в) наложение на изделия из иных металлов клейм и марок, имеющих сходство с пробирным клеймом, и г) сбыт указанных изделий.

Изготовление поддельного пробирного клейма является, по существу, приготовлением к фальсификации слитков или изделий из благородных металлов, приготовлением, представляющим большую опасность и потому рассматриваемым законом как оконченное преступление. Наравне с изготовлением наказывается и хранение с целью сбыта поддельного пробирного клейма.

При *клеймении поддельным пробирным клеймом* обычно проба не соответствует действительному содержанию благородного металла. Но если проба и соответствует содержанию металла, то все же виновный в использовании поддельного клейма отвечает по ст. 172.

Типичным видом фальсификации является *наложение на изделия из неблагородных металлов клейм и марок, имеющих сходство с пробирным клеймом.*

Наравне с изготовлением всех вышеуказанных изделий одинаково преследуется и *сбыт* таковых изделий.

Наказание по ст. 172 УК РСФСР — лишение свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года с конфискацией в обоих случаях поддельных изделий и клейм.

Ст. 172 помещена среди имущественных преступлений. Но для предусмотренного ею состава отнюдь не требуется, чтобы кому-либо вообще был причинен имущественный ущерб. Так, одно лицо может заказать другому изготовить поддельное клеймо, приобрести изделия из благородных или иных металлов с заведомо для него поддельными клеймами и т. п. Правильнее было бы вообще этот состав отнести к числу преступлений против порядка управления.

УК Украинской ССР, наряду со ст. 184, соответствующей ст. 172 УК РСФСР, предусматривает в ст. 185 «употребление в торговле или промышленности, хранение для сбыта и самый сбыт мер и весов, неправильных или запрещенных к употреблению, или с поддельным или неустановленным клеймом или без надле-

жащего клейма, а равно изготовление или наложение таких клейм».

Наказание — лишение свободы на срок до двух лет. По ч. 2 этой статьи лишением свободы на срок до одного года или исправительно-трудовыми работами на тот же срок наказываются хранение указанных мер и весов в торговом или промышленном заведении.

Такого состава нет в УК РСФСР и других союзных республик. Между тем, в связи с изданием союзного закона 25 июля 1934 г. об ответственности за обвешивание и обмеривание покупателей, 9 сентября того же года ЦИК и СНК Союза ССР издано новое Положение о мерах и весах (СЗ 1934 г. № 45, ст. 351). В ст. 10 этого постановления указывалось, что Прокуратура СССР и союзных республик обязана вести «решительную борьбу против применения в хозяйственном обороте неправильных весов, гирь, литров и метров».

Директивным письмом 2 апреля 1935 г. «О квалификации дел, связанных с нарушением действующих правил об изготовлении и клеймении измерительных приборов и правил пользования ими» Верховный суд и Прокуратура Союза ССР преподали следующие указания:

1) Нарушение монопольного права органов Управления мер и весов на клеймение мер, весов и других измерительных приборов (то есть клеймение измерительных приборов организациями и лицами, не имеющими на то право) квалифицировать в отношении должностных лиц по ст. 109, а в отношении частных лиц — по ст. ст. 16 и 172 УК РСФСР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик).

2) Выпуск измерительных приборов государственными и кооперативными предприятиями, а также кустарными мастерскими без соответствующего клейма Управления мер и весов квалифицировать по ст. 128-б УК РСФСР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик).

Если выпущенные без клеймения измерительные приборы оказываются неправильными (дающими отклонение от установленных норм), должностные лица, виновные в выпуске их, привлекаются к ответственности по ст. 128-а, а частные лица — по ст. 169 УК РСФСР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик).

В тех случаях, когда эти действия частных лиц носят систематический характер или совершаются в виде промысла, они должны квалифицироваться через ст. 19 по ст. 128-в УК РСФСР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик), как за создание условий для обмеривания и обвешивания.

3) Употребление измерительных приборов, не имеющих клейм Управления мер и весов или клеймённых с нарушением постановления ЦИК и СНК Союза ССР 9 сентября 1934 г. о мерах и весах, или с просроченными клеймами, квалифицировать на следующих основаниях:

а) если эти приборы показывают неправильные вес или меру, что повело к обвешиванию и обмериванию потребителей, — лица, допустившие употребление этих приборов, а также пользовавшиеся ими, должны привлекаться по ст. 128-в УК РСФСР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик);

б) в остальных случаях употребления подобных измерительных приборов виновные привлекаются к ответственности по ст. 105 УК РСФСР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик).

Следует заметить, что указания, преподанные в директивном письме, отнюдь не освобождают суд от необходимости устанавливать в каждом конкретном случае наличие субъективной стороны действия. Так, недостаточно для состава преступления, чтобы выпускаемые измерительные приборы были объективно неправильны, но необходимо, чтобы лицо, выпускающее их, сознавало их неправильность и желало или безразлично относилось к их выпуску или допустило его по неосторожности. Точно также за обмеривание и обвешивание могут отвечать только лица, сознательно использующие неправильные измерительные приборы.

5. *Злостное уклонение от платежа долгов.* УК Украинской ССР предусматривает в ст. 180 «злостное банкротство лиц, занимающихся торговлей или кредитными операциями». Это преступление определяется как уклонение от платежа долгов с целью обогатиться за счет кредиторов путем сокрытия своего имущества, или передачи его третьим лицам, или выдачи вымышленных обязательств и проч. Эта статья отражает тот период советской истории, когда частный сектор играл в торговле еще известную роль.

Наказание за банкротство УК устанавливает в виде лишения свободы на срок до двух лет. Наказание повышается до пяти лет, если был причинен значительный ущерб государственному или общественному учреждению или предприятию или хотя бы и частным, но многим лицам.

Описанный состав преступления потерял в настоящее время практическое значение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РОСТОВЩИЧЕСТВО

1. Ростовщичество есть извлечение незаконной имущественной выгоды путем заключения кабальной сделки с потерпевшим.

Ст. 173 УК РСФСР определяет ростовщичество как «взимание процентов за данные займы деньги или имущество в размере, превышающем установленную законом предельную норму процентов по займу, в частности также путем включения процентов в капитальную сумму долга, или удержания единовременного вознаграждения из получаемой заемщиком суммы, или установления пени и неустойки за просрочку платежа по займу, или в иной скрытой форме».

В ч. 3 ст. 173 предусматривается так называемое сельское ростовщичество, которое закон определяет как «предоставление в пользование орудий производства и скота за денежное или натуральное вознаграждение или на условиях отработки, с явным превышением обычного для данной местности размера вознаграждения, с использованием нужды или стесненного положения пользователя».

Ростовщичество, являясь одной из форм преступного приобретения имущества, занимает особое место в системе имущественных преступлений в силу способа его совершения. Получение виновным имущественной выгоды достигается благодаря своеобразному принуждению, которому подвергается потерпевший. Это принуждение отличается от того, под влиянием которого действует потерпевший при насильственном похищении или вымогательстве. Виновный не прибегает к насилию, не прибегает вообще ни к какой угрозе. Он использует положение потерпевшего, принуждающее последнего к заключению кабальной сделки, эксплуатирует это положение. Потерпевший внешне совершает сделку совершенно добровольно — виновный не «принуждает» его к ее заключению, виновный может даже заставлять себя упрашивать пойти на эту сделку. Но эта внешняя сторона не может затушевывать истинного характера сделки. Советская власть, ликвидировавшая эксплуатацию человека человеком, не может не считать преступным и наказуемым приобретение чужого имущества путем использования положения потерпевшего, вынужденного пойти на заключение кабальной имущественной сделки.

УК РСФСР 1922 г. в ст. 193 определял ростовщичество как «взимание в виде промысла за данные займы деньги процентов сверх дозволенных законом или предоставление в пользование

орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян за вознаграждение в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму, с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду».

Ростовщичество предусматривается во всех действующих республиканских уголовных кодексах, причем в определении состава преступления существенных отличий не имеется.

2. *Виды ростовщичества.* УК различает общее ростовщичество — простое и квалифицированное (чч. 1 и 2 ст. 173) — и специальное (ч. 3 ст. 173 УК РСФСР).

а) *Объектом общего ростовщичества* является чужое имущество, понимаемое так же, как и при мошенничестве и вымогательстве, в смысле не только конкретного имущества, но и имущественных прав и выгод. Имущественные выгоды могут выразиться в выговоренном виновным праве на получение чрезмерных процентов.

С *объективной стороны* ростовщичество выражается прежде всего во взимании процентов за данные займы деньги или имущество в размере, «превышающем установленную норму процентов по займу». Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР 17 августа 1927 г. (СЗ 1927 г. № 48, ст. 490) союзным республикам было предложено установить в качестве признака преследуемого в уголовном порядке ростовщичества взимание процентов свыше предельной нормы, которая должна быть установлена для различных районов СНК союзных республик или, по их поручению, — СНК автономных республик или краевыми (областными) исполкомами и не должна быть ниже полуторного и выше утроенного учетного процента Госбанка СССР.

Взимание чрезмерных процентов может производиться и в замаскированной форме, на что в УК РСФСР обращается внимание указанием, что чрезмерные проценты могут быть получены в частности также путем включения процентов в капитальную сумму долга или удержания единовременного вознаграждения из получаемой заемщиком суммы, или установления пени и неустойки за просрочку платежа по займу, или в иной скрытой форме.

Ростовщичество должно считаться оконченным, когда виновный извлек незаконную выгоду из сделки, получил хотя бы и один раз проценты по займу, что могло быть сделано и путем удержания их вперед.

УК РСФСР 1922 г. требовал для состава взимание процентов «в виде промысла». Таковой была и первоначальная редакция УК РСФСР 1926 г. Но союзный закон 17 августа 1927 г. взимание процентов в виде промысла, а равно и использование стесненного положения заемщика отнес к обстоятельствам, квалифицирующим преступление. Следовательно, для простого ростовщичества не требуется ни того, ни другого обстоятельства.

С *субъективной стороны* простое ростовщичество требует умысла. Виновный сознает, что, ссужая деньги или иное имущество, он взимает чрезмерные проценты, и желает таким путем получить незаконную выгоду. Ссылка виновного на то, что он

превысил предельную норму только по незнанию, не может быть принята во внимание. В общежитии люди дают или берут в долг без всяких процентов. Самое большее, что допустимо с точки зрения правил социалистического общежития, — это взимание процентов в размере, который уплачивается по вкладам сберегательными кассами. Размер же этих процентов известен или может быть известен каждому гражданину.

Субъектом может быть всякое частное лицо.

Наказание за простое ростовщичество — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф до пяти тысяч рублей.

б) *Квалифицированное ростовщичество* совершается в виде промысла или с использованием стесненного положения заемщика. Первый признак указывает на то, что виновный является профессиональным ростовщиком.

Квалифицированным ростовщичество становится также в том случае, когда виновным используется «стесненное положение заемщика». Не требуется, чтобы это положение было безвыходным. С субъективной стороны виновный должен сознавать, что заемщик находится в стесненном положении.

Наказание за квалифицированное мошенничество — лишение свободы на срок до двух лет, с конфискацией части имущества или без таковой или со штрафом до десяти тысяч рублей.

УК ничего не говорит о тех случаях, когда кто-либо не сам дает займы под чрезмерные проценты, а приобретает заведомо ростовщические обязательства и предъявляет их ко взысканию. Эти случаи необходимо рассматривать как соучастие в ростовщичестве.

в) *Специальное (сельское) ростовщичество* типично для тех лет нашей истории, когда кулачество не было еще ликвидировано как класс. Под видом получения в пользование сельскохозяйственного инвентаря, семян, скота бедняк закабалялся кулаком. Источником наживы являлось не столько денежное, сколько натуральное вознаграждение, которое взималось по этому договору «имущественного найма». По существу бедняк превращался в батрака, в особенности когда он расплачивался за пользование инвентарем своим личным трудом — «отработкой».

Наказание за этот вид ростовщичества — лишение свободы на срок до одного года.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРИСВОЕНИЕ

1. Присвоение есть умышленное обращение в свою собственность чужого имущества, находящегося в правомерном владении виновного.

Ст. 168 УК РСФСР определяет присвоение как удержание с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определенной цели, или растрату этого имущества.

Такое же определение содержится и в других республиканских кодексах. Это определение охватывает присвоение только того имущества, которое вверено виновному для определенной цели. Под него не подходят случаи, когда присваивается имущество, случайно попавшее во владение виновного. Вместе с тем, действующий УК РСФСР, в отличие от УК 1922 г., предусматривает в ч. 2 ст. 168 присвоение находки. Определение, даваемое нами, охватывает и эти случаи.

Объектом присвоения является чужое имущество, находящееся в правомерном владении виновного.

Под имуществом как объектом присвоения понимается вещь в смысле материального предмета внешнего мира. Большое значение при присвоении имеет различие вещей заменимых от незаменимых. Вещи заменимые представляются индивидуально неопределенными, например, денежные знаки, бутылки вина одного и того же сорта и т. п. Незаменимыми являются вещи, индивидуально определенные по самому существу своему, например, какая-нибудь редкая книга, или же в силу выраженной воли их собственника, например, сданные собственником на хранение по описи предметы, дорогие для него по воспоминаниям. Отчуждение незаменимой вещи само по себе составляет оконченное присвоение, отчуждение же заменимой будет присвоением лишь тогда, когда к наступлению срока возврата ее не окажется налицо.

Объектом присвоения является чужое имущество, как на это прямо указывает сам закон. В УК 1922 г. говорилось вообще об имуществе, вверенном для определенной цели. Между тем, собственник может отчудить вещь, хотя и являющуюся его собственностью, но подвергшуюся описи и сданную ему же на хранение. Ст. 177 УК Украинской ССР предусматривает растрату или присвоение имущества, переданного на хранение уполномоченным на то органом власти. По гражданскому праву Украины при купле-продаже в рассрочку вещь переходит в собственность покупателя с момента заключения договора. Поэтому УК вполне по-

следовательно предусматривает в ст. 179 специальный деликт — «отчуждение или залог имущества, приобретенного согласно закону о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа, до полной уплаты установленной цены, без согласия продавца». Закон РСФСР 10 октября 1923 г. «О купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа» устанавливал в ст. 3: «До полной уплаты продавцу цены за проданное в рассрочку имущество запрещается перепродавать, закладывать или другими способами передавать третьим лицам это имущество, а равно пользоваться имуществом такими способами, которые явно несвойственны природе имущества и ведут к его бесхозяйственному уничтожению или порче. Нарушение настоящего запрещения с корыстной целью карается по ст. 185 УК» (ст. 168 УК 1926 г.).

Такое указание следует рассматривать как прямое распространение самим законодателем статьи о присвоении и на случаи, предусматриваемые ст. 179 УК Украинской ССР. В УК Узбекской ССР в 1930 г. введен состав (ст. 232²), аналогичный предусмотренному ст. 179 УК Украинской ССР, — перепродажа без согласия машиноснабжающей организации купленных у нее в рассрочку сельскохозяйственных машин и орудий до полной уплаты за них покупной цены, совершенная в целях уклонения от уплаты. Закон подчеркивает субъективную сторону преступления: не факт отчуждения является решающим, а мотивы, которыми руководствовался виновный при этом отчуждении.

Чужое имущество должно находиться в *правомерном владении* виновного. Основания этого владения могут быть различны — вещь может быть передана на сохранение, для перевозки или передачи, для починки, для изготовления из нее какого-либо другого предмета и т. п. Необходимо, чтобы с переходом владения к виновному это владение прекратилось на стороне собственника. Утайка техническим служащим предметов домашнего обихода, принадлежащих учреждению, или домашней работницей вещей, находящихся в квартире, будет не присвоением, а кражей, потому что наниматель — учреждение или частное лицо — не перенес владения на служащего или работника. Но если хозяин квартиры, уезжая на время, поручает оставляемому в ней лицу хранение обстановки, то расхищение его будет присвоением.

Вещь может перейти во владение виновного и случайно — она может быть, например, забыта собственником, может быть найдена виновным.

Нахождение вещи в правомерном владении виновного является моментом, характерным для присвоения. Этим оно отличается от похищения, которое состоит в том, что в целях распоряжения чужой вещью, как своей собственной, виновный должен изъять вещь из чужого владения. При похищении виновный должен преодолевать известные препятствия, чтобы завладеть чужой вещью, при краже проявить ловкость и хитрость, при насильственном похищении он может встретить отпор со стороны владельца вещи. Ничего этого не требуется при присвоении. Вещь находится уже во владении виновного.

С объективной стороны присвоение состоит в противозаконном обращении в свою собственность чужого имущества, находящегося в правомерном владении виновного. Это обращение может выразиться в удержании или растрате. Удержание является бездействием и заключается в невозвращении имущества собственнику его в надлежащий срок. Срок этот вытекает или из условий перехода имущества во владение виновного или из постановлений самого закона, например, при находке.

Состав преступления с объективной стороны выполнен в тот момент, когда виновный обязан был возвратить собственнику его имущество и не выполнил этого. Прибегает ли виновный к уловкам, ссылаясь, например, на то, что он вообще не получал вещи и т. п., для состава преступления является безразличным.

Сам по себе факт недостачи, отсутствия имущества не говорит еще о том, что имеется налицо его присвоение. Необходимо, чтобы недостача была вызвана действиями виновного, направленными на обращение вещи в свою собственность. Между этими действиями и недостачей должна быть причинная связь.

Обращение в свою собственность чужого имущества может выразиться и в активных действиях — в растрате, то есть в отчуждении или в потреблении имущества. Отчуждение может выразиться в самых разнообразных формах: виновный может продать вещь, подарить ее третьим лицам. Так как Гражданский кодекс РСФСР в ст. 85 прямо указывает, что «залогодатель должен быть собственником заложенного имущества», лицо, закладывающее чужую вещь и распоряжающееся ею как своей собственной, совершает растрату. В главе о воинских преступлениях к «промотанию» предметов казенного обмундирования и снаряжения отнесен и залог этого имущества (ст. 193¹⁴ УК РСФСР).

Растрата имущества может выразиться и в потреблении его, например, продукты питания могут быть съедены, платье или белье — изношено и т. п. Но нельзя считать растратой временное пользование вещью, не умаляющее ее хозяйственной ценности, например, пользование сданной на хранение пищевой машинкой, музыкальным инструментом. Здесь возможна ответственность лишь в гражданском порядке. С потреблением вещи нельзя смешивать ее повреждение или истребление. Виновный причиняет имущественный ущерб чужому имуществу, не увеличивая этим сферы своего имущественного обладания. Но, как было уже указано, законодательство РСФСР рассматривает как присвоение пользование имуществом, купленным в рассрочку, такими способами, которые ведут к его бесхозяйственному уничтожению или порче. Правильнее было бы в этом случае сделать ссылку на статью не о присвоении, а о повреждении имущества. Не будет растратой утеря имущества, хотя бы и неосторожная. При утрате нет обращения имущества в свою собственность, и частное лицо отвечает за нее в гражданском порядке, должностное — за небрежное отношение к вверенному имуществу несет и уголовную ответственность.

При растрате как способе присвоения преступление считается

оконченным с момента отчуждения или потребления вещи. В отношении незаменимых вещей возможно и покушение. Оно немыслимо в отношении вещей заменимых. Представление в нужный срок вместо истраченных вещей совершенно тождественных исключает возможность ставить вопрос о покушении в юридическом смысле этого понятия.

С субъективной стороны присвоение может быть совершено только с прямым умыслом. Виновный должен сознавать, что имущество, находящееся в его владении, не принадлежит ему на праве собственности. Он не только сознает это, но и желает распорядиться этим имуществом как своим собственным. УК РСФСР говорит о корыстной цели как о цели действия при присвоении. Корыстную цель нужно понимать в смысле желания распорядиться вещью как своей собственностью, хотя бы виновный и действовал не из низменных мотивов. В большинстве случаев, конечно, растратчики действуют в корыстных целях.

Не всегда удержание вещи свидетельствует о намерении присвоить вещь. Поэтому не будет присвоением удержание вещи с целью понудить собственника ее к уплате своего долга. Речь может идти о просрочке в исполнении обязательства, если у удерживающего вещь нет желания присвоить ее.

Неосторожность исключает преступность действия. Если кто-либо по ошибке продаст или иным способом распорядится чужой вещью, считая ее по ошибке своей собственностью, то он отвечает только в гражданском порядке.

Субъектом присвоения может быть всякое вменяемое лицо.

2. *Виды присвоения.* В главе об имущественных преступлениях предусматривается простое присвоение и присвоение привилегированное — присвоение находки. К главе о должностных преступлениях отнесено должностное присвоение, среди воинских преступлений предусматривается так называемое промотание воинского имущества. Оба последних деликта рассматриваются в соответствующих разделах учебника по Особенной части.

а) *Объектом простого присвоения* может быть как имущество частных лиц, так и социалистическое имущество. Но надо иметь в виду, что за должностное присвоение и растрату (ст. 116 УК РСФСР) отвечает не только должностное лицо, но также лицо, «исполняющее какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения».

Советские УК говорят только о присвоении имущества, «вверенного для определенной цели». Таким образом, закон не предусматривает прямо присвоение имущества, случайно попавшего во владение виновного, например, забытого. Такого рода случаи все же следует рассматривать как присвоение вверенного, а не присвоение находки. В данном случае нарушается то общее доверие, которое советские граждане должны оказывать друг другу при взаимном общении. Забывший вещь в местах общественного пользования имеет право рассчитывать на то, что она будет ему возвращена.

Субъектом простого присвоения может быть всякое вменяемое

лицо. Должностное лицо, присвоившее вверенное ему в силу его служебного положения частное имущество, отвечает за должностное присвоение.

Вопрос о *наказании* простого присвоения разрешается в советских УК далеко не одинаково. Так, по УК РСФСР установлено лишение свободы на срок до двух лет, по УК Украинской ССР (ст. 177) — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев, по Узбекской ССР (ст. 232) — исправительно-трудовые работы на срок до одного года.

б) *Присвоение находки*. УК РСФСР 1922 г. не знал этого вида присвоения. УК РСФСР 1926 г. и другие республиканские кодексы предусматривают его. УК РСФСР говорит в ч. 2 ст. 168 о «присвоении находки», другие кодексы говорят об «утайке найденного имущества» (например, УК Украинской ССР, ст. 178).

Объектом преступления является утерянное кем-либо имущество, то есть вещь, случайно и незаметно вышедшая из обладания другого лица. Для состава преступления необходимо, чтобы вещь вышла из владения собственника или законного владельца. Нельзя поэтому говорить о присвоении вещи, утерянной владельцем ее в своей квартире или в пределах своего двора, — здесь будет кража, а не присвоение. Наряду с утерянными вещами объектом находки является и клад — имущество, спрятанное его владельцем. Клад может быть и тысячелетнего и совсем недавнего происхождения. По общему правилу, клад является бесхозяйным имуществом, но по советскому гражданскому праву «бесхозяйное имущество, собственник которого неизвестен или которое не имеет собственника, переходит в собственность государства» (ст. 68 Гражданского кодекса РСФСР).

Объективная сторона преступления состоит в том, что нашедший потерянную вещь не уведомляет об этом немедленно лицо, потерявшее вещь, если оно ему известно, или же не заявляет об этом в милицию или сельсовет, как этого требует ст. 68-б Гражданского кодекса РСФСР. Нашедший частное имущество и сдавший его в установленном порядке получает вознаграждение в размере 20% стоимости найденного; за вещь, принадлежащую государству, вознаграждение не уплачивается. Но постановлением ЦИК и СНК СССР 3 января 1930 г. (СЗ 1930 г. № 5, ст. 48) «лицу, указавшему и передавшему финансовым органам зарытые в земле или иным способом скрытые драгоценные камни, жемчуга, дореволюционные золотые и серебряные монеты, благородные металлы (золото, серебро, платина и металлы платиновой группы) в слитках, в изделиях и в ломе, а равно иностранную валюту, собственник которых неизвестен или в силу закона утратил на них право, НКФ СССР выдает не позже недельного срока после передачи ценностей вознаграждение» (в размере 25% стоимости переданных ценностей).

С субъективной стороны присвоение находки, как и присвоение вообще, может быть только умышленным. Субъектом может быть всякое вменяемое лицо. *Наказание* за присвоение находки по УК РСФСР — лишение свободы на срок до одного месяца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

УКРЫВАТЕЛЬСТВО ИМУЩЕСТВА, ДОБЫТОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

1. *Укрывательство имущества, добытого преступлением, есть покупка, принятие на хранение, в заклад и т. п. действия в отношении имущества, заведомо добытого похищением, вымогательством и другими преступными способами.*

При преступном приобретении имущества чрезвычайно опасным является укрывательство имущества, выражающееся в принятии его на сохранение, в покупке, принятии в заклад и т. п., причем виновный знает только, что данное имущество вообще добыто преступным путем. Кто совершил преступление, каким именно преступлением добыто имущество, — этого виновный может и не знать. Но если бы он и знал и мог отвечать по большинству советских кодексов как соучастник, наказание не соответствовало бы в ряде случаев его виновности, например, при профессиональном занятии укрывательством. Вот почему все советские УК предусматривают в главе об имущественных преступлениях как самостоятельное преступление укрывательство имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем. По существу, все кодексы борются с одним и тем же преступлением, но в редакции его состава имеются значительные различия. УК РСФСР (ч. 1 ст. 164) говорит о покупке «заведомо краденого».

Объектом преступления является чужое имущество, добытое преступным путем. Под имуществом понимается вещь в смысле материального предмета внешнего мира. Имущество должно быть чужим и для укрывателя и для тех лиц, которые приобрели его преступным путем. Не является укрывателем лицо, купившее украденную у него вещь. Объектом преступления может быть не только имущество частных лиц, но и социалистическая собственность.

Имущество должно быть приобретено преступным путем. УК РСФСР 1926 г. говорит о «краденом» имуществе, УК Украинской ССР (ст. 175)—о «похищенном». Шире других формулировка ст. 251 УК Белорусской ССР. Она указывает на имущество, добытое «путем кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты или мошенничества».

Следует отметить, что при квалифицированном виде укрывательства — укрывательстве огнестрельного оружия (не подходящего под признаки ст. 59³ УК РСФСР) закон говорит не о краденом, а о «похищенном» оружии (ст. 164-а УК РСФСР).

С объективной стороны укрывательство может выразиться в

различного рода действиях. Все УК говорят о «покупке» имущества, добытого преступлением. Но не только покупка, а и принятие в подарок, в заклад, залог, просто на хранение является укрывательством. Явится им и дальнейший сбыт имущества третьим лицом, не участвовавшим в преступном приобретении имущества, но знавшим о его происхождении. Ст. 164-а УК РСФСР говорит о «покупке, хранении и продаже» похищенного огнестрельного оружия.

С субъективной стороны укрывательство может быть только умышленным. Умысел должен быть прямым: виновный сознает, что имущество добыто преступным путем, и, несмотря на это, желает укрыть его. Требование умысла подчеркнуто в самом законе указанием на «заведомость» преступного происхождения имущества. Приобретение, принятие на хранение по неосторожности имущества, преступно добытого, не составляет преступления.

В тех случаях, когда виновный знает, что имущество добыто определенным преступным путем, например, путем кражи, бандитского нападения, его действие одинаково подойдет и под специальный состав и под общие постановления об укрывательстве. Уголовная ответственность должна в этих случаях определяться по правилам о совокупности.

Субъектом преступления может быть всякое вменяемое лицо. Не может отвечать за укрывательство лицо, само принимавшее участие в преступном приобретении имущества.

2. *Виды укрывательства.* Советское право предусматривает простое укрывательство и квалифицированное — по субъекту и по объекту.

Простое укрывательство предусмотрено ч. 1 ст. 164 УК РСФСР.

Наказание — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей.

Квалифицированным по субъекту является укрывательство, совершаемое в виде промысла (ч. 2 ст. 164). Такого рода укрывательство является наиболее опасным. Мы имеем здесь дело, главным образом, с лицами, профессионально занимающимися скупкой-продажей похищенного, извлекающими из преступлений львиную долю незаконной добычи. Если простое укрывательство может иметь место и без корыстных мотивов (например, из ложно понятой дружбы), то профессионал действует исключительно из этих мотивов. Поэтому и наказание определяется в виде лишения свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества. Возможно и применение ссылки (ст. 36).

Квалифицированным по объекту является укрывательство, совершаемое в отношении *огнестрельного оружия* (кроме оружия охотничьего образца и мелкокалиберного) и *огневых припасов* к нему. Этот состав введен в республиканские кодексы согласно постановлению ЦИК и СНК СССР 6 февраля 1929 г. (ст. 164-а УК РСФСР). Понятие оружия дано при анализе кражи его. Действие выражается в «покупке, хранении и продаже» заведомо похищенного огнестрельного оружия и *огнеприпасов* к нему.

Наказание — лишение свободы на срок до пяти лет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ИСТРЕБЛЕНИЕ И ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА

1. Истребление и повреждение имущества есть умышленное или неосторожное уничтожение или уменьшение хозяйственной или социальной ценности вещи.

Преступному приобретению имущества, выражающемуся в похищении, мошенничестве и других преступлениях, рассмотренных выше, свойствен общий признак. Нанося потерпевшему имущественный ущерб, виновный тем самым увеличивает свою имущественную сферу. Но имуществу может быть нанесен ущерб и без того, чтобы виновный получил от этого какую-либо имущественную выгоду. Более того, лицо может причинить ущерб своему собственному имуществу и все же, при известных условиях, оно будет по советским уголовным законам отвечать за свои действия как за преступление.

УК РСФСР 1922 г. в главе об имущественных преступлениях предусматривал умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственному учреждению или предприятию или частному лицу, в одной статье (ст. 196), с одной и той же санкцией. Одинаково наказывалось и общественно опасное повреждение и частного и социалистического имущества (ст. 198).

УК РСФСР 1926 г. в главе об имущественных преступлениях говорит только об умышленном повреждении имущества частных лиц (ст. 175). Повреждение социалистического имущества отнесено в главу о преступлениях против порядка управления. С другой стороны, позднейшее законодательство отнесло в эту же главу и некоторые виды повреждения частного имущества частных лиц (хищнический убой скота и лошадей — ст. ст. 79¹, 79³). Такая же система, в общем, принята и в других республиканских кодексах.

Объектом преступления является имущество в смысле вещи. Имущество может быть не только социалистическим, но и принадлежащим частным лицам, не только чужим, но и собственностью виновного, причем не только при общественно опасном повреждении.

В этом отношении советское право принципиально отличается от буржуазного. В последнем собственник может распоряжаться своим имуществом вплоть до его уничтожения. Он может сжечь свой дом, если пожар не угрожает чужому имуществу или другим лицам. В годы экономических кризисов в ряде капиталистических стран, чтобы помешать падению цен, собственники

уничтожали огромные партии промышленных и сельскохозяйственных продуктов. Не случайно ст. 175 УК РСФСР говорит не о «чужом» имуществе как объекте повреждения или истребления, а об имуществе вообще, — закон имеет в виду и собственное имущество, представляющее известную хозяйственную или социальную ценность, например, строения, ценные коллекции, большие запасы продуктов питания, крупный скот и т. п.

С объективной стороны преступление выражается в уменьшении или полном уничтожении хозяйственной или социальной ценности имущества. УК указывает на оба способа преступного воздействия на вещь, говоря об «истреблении или повреждении имущества». Вещь может быть повреждена различными способами: ее можно разбить, разорвать, на вещь можно воздействовать и химическим путем, например, облить серной кислотой, влить примесь и т. п. Можно истребить вещь и не прибегая к физическому воздействию на нее, например, выпустив газ из баллона. Ст. 79¹ говорит об убое и изувечении скота, ст. 79³ — об убое и изувечении лошадей, а также иных злостных действиях, которые повлекли за собою гибель лошади или привели ее в непригодное состояние. Ст. 79² предусматривает порчу и поломку тракторов и сельскохозяйственных машин.

Повреждение вещи может быть совершено как путем действия, так и бездействия. Искалечить лошадь можно путем нанесения ей увечья, но привести ее в непригодное состояние можно, недодавая ей корма.

Если для общего состава повреждения имущества способ действия безразличен, то все же использование виновным таких средств, как поджог, потопление и т. п., заставляет законодателя из-за особой опасности таких способов повреждения имущества выделить так называемое общеопасное повреждение.

Под повреждением имущества в общежитии понимается всякое повреждение вещи, как бы оно ни было незначительно. Но такое понимание было бы слишком широким для уголовно-наказуемого повреждения. Для установления грани нужно исходить из того, уменьшилась ли благодаря повреждению хозяйственная или социальная ценность вещи или нет. Значение причиненного повреждения устанавливается в зависимости от характера и свойств самой вещи. Царапина на каменной стене дома не может считаться его повреждением, но такая же царапина на бриллианте резко понизит его стоимость.

Оконченным повреждение становится с того момента, когда вещь не может без ремонта выполнять свое хозяйственное назначение — разрезанную картину необходимо реставрировать, скот необходимо подвергнуть лечению и т. п. Для оконченного преступления отнюдь не требуется, чтобы вещь была уничтожена, «истреблена». И сам закон в смысле наличия состава одинаково расценивает повреждение и истребление. И действительно, имущественный ущерб, причиненный повреждением какой-либо вещи, может быть более значительным, чем вред от полного уничтожения другой вещи. Под «истреблением», наконец, не сле-

дует понимать только физическое уничтожение вещи. Истребление вещи с точки зрения уголовного закона будет иметься и в тех случаях, когда ее собственник или законный владелец вследствие действия виновного, лишается в дальнейшем навсегда возможности использовать вещь, — например, виновный выпускает птицу из клетки, бросает рыбу из садка в реку и т. п.

С субъективной стороны повреждение может быть как умышленным, так и неосторожным. Повреждение имущества частных лиц карается только при наличии умысла (ст. 175 УК РСФСР). В отношении социалистического имущества в ряде случаев, предусмотренных, правда, не в главе об имущественных преступлениях, наказывается и неосторожное повреждение его.

Умысел при повреждении может быть как прямым, так и эвентуальным. Виновный сознает, что он повреждает имущество, и желает этого или относится к этому безразлично. Какими мотивами руководствовался виновный для состава преступления безразлично, — он мог действовать по злобе, из зависти, мести, даже из корыстных мотивов, например, по подкупу. Но если повреждение носило озорной характер, было соединено с явным неуважением к обществу, то виновный должен быть привлечен к ответственности за хулиганство (ст. 74 УК РСФСР).

Умысел виновного направлен на повреждение или истребление имущества. Поэтому не будет повреждением вещи использование ее по ее хозяйственному назначению, хотя бы это выразилось в ее потреблении. Так, потребление продуктов питания, оставленных виновному на хранение, будет присвоением, а не повреждением имущества.

Общего состава неосторожного повреждения социалистического имущества наше уголовное право не знает, предусматривая лишь отдельные случаи его. Поэтому субъективная сторона неосторожного повреждения будет дана при анализе соответствующих составов.

Субъектом преступления может быть, по общему правилу, всякое вменяемое лицо, даже в известных случаях — и собственник имущества.

II. *Виды повреждения имущества.* УК знает простое повреждение — умышленное и неосторожное — и квалифицированное по объекту и по способу действия.

1. *Простое умышленное повреждение* предусмотрено в ч. 1 ст. 175 УК РСФСР: «умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам». УК 1922 г. предусматривал, как уже указывалось, в качестве простого повреждения и повреждение социалистического имущества. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 24 августа 1925 г. (СУ 1925 г. № 58, ст. 464) повреждение социалистического имущества было выделено из общего состава и отнесено к числу преступлений против порядка управления с повышением наказания.

Объектом простого умышленного повреждения является частное имущество, но не всякое. Убой и изувечение скота и лошадей (ст. ст. 79¹ и 79³) выделены позднейшим законодательством

в особые деликты и отнесены к преступлениям против порядка управления. Повреждение должно быть умышленным. Способ действия при простом повреждении не должен быть общеопасным.

Наказание за простое повреждение — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей.

2. Простое неосторожное повреждение предусматривается в качестве уголовно-наказуемого лишь в отношении социалистического имущества, не в виде общего состава, а в отдельных случаях. УК РСФСР 1926 г. наказывает в ст. 80 неосторожное повреждение морского телеграфного кабеля, если оно могло вызвать перерыв телеграфного сообщения, исправительно-трудовыми работами до трех месяцев или штрафом до трехсот рублей.

Ст. 176 УК РСФСР предусматривает непринятие капитаном одного из столкнувшихся судов должных мер для спасения другого, поскольку эти меры могли быть приняты без серьезной опасности для своих пассажиров, экипажа и судна (наказание — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф до пятисот рублей).

Эта статья помещена среди имущественных преступлений. УК РСФСР рассматривает это преступление, видимо, как непредотвращение повреждения или истребления имущества. Правильнее было бы отнести его, по примеру УК Украинской ССР, к преступлениям против порядка управления. Ст. 176, как и ст. 184 (неообщение капитаном судна другому судну, столкнувшемуся с ним на море, названия и порта приписки своего судна, равно как места своего отправления и назначения, несмотря на возможность сообщить эти сведения), имеют своим основанием международную Брюссельскую конвенцию для объединения правил относительно столкновения судов.

В целях укрепления трудовой дисциплины в колхозах и совхозах советская власть установила уголовную ответственность за небрежное повреждение сельскохозяйственного инвентаря. В 1932 г. УК РСФСР был дополнен ст. 79². Часть 1 этой статьи наказывает исправительно-трудовыми работами на срок до шести месяцев порчу или поломку принадлежащих совхозам, машинотракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин. Закон характеризует субъективную сторону преступления как «преступно-небрежное отношение» к этому имуществу. Этим как бы подчеркивается необходимость наличия значительной степени небрежности. Субъектом преступления могут быть рядовые работники совхозов, станций, а равно и рядовые члены колхозов.

Примечание к ст. 79² УК разрешает, в случае незначительности повреждения, вместо привлечения к суду накладывать на виновного взыскания согласно правилам внутреннего распорядка.

В том же 1932 г. УК был дополнен и ст. 79⁴, устанавливающей ответственность за преступно-небрежное обращение с лошадьми и особенно с жеребыми матками в колхозах, совхозах и пред-

приятнях обобществленного сектора. Уголовно-наказуемым такое обращение становится в том случае, если оно повлекло за собою гибель лошади или привело в негодное состояние.

Наказание — исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев. При отсутствии указанных в статье последствий, согласно примечанию к ст. 79⁴, может быть наложено дисциплинарное взыскание по правилам внутреннего распорядка.

3. **Повреждение, квалифицированное по объекту:** а) **Умышленное повреждение социалистического имущества не общеопасным способом.** УК РСФСР предусматривает в ч. 1 ст. 79 «умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т. п.) организациям, в том числе электропроводов, средств связи и т. п.». Такой же состав имеется и в других республиканских кодексах.

Объектом преступления может быть всякое социалистическое имущество в смысле вещи. Неправильно суживает состав УК Узбекской ССР, указывая в ст. 247 (помещенной в главе об имущественных преступлениях) в качестве объекта повреждения имущество железнодорожного, водного или воздушного транспорта, а также имущество телеграфное или телефонное, поскольку повреждение последнего нарушило или могло нарушить правильное функционирование указанных видов транспорта в связи. С другой стороны, УК Узбекской ССР в качестве объекта упоминает «оборонительные сооружения», повреждение которых не может рассматриваться иначе, как диверсия с прямым или эвентуальным контрреволюционным умыслом.

Кроме того, в главе о «водных преступлениях» УК Узбекской ССР предусматривает умышленное повреждение ирригационных сооружений.

С **объективной стороны** повреждение, предусмотренное ч. 1 ст. 79 УК РСФСР, может быть выполнено любым способом, но только не общеопасным.

С **субъективной стороны** необходим умысел — прямой или эвентуальный: виновный должен и в том и другом случае сознавать, что повреждаемое имущество является социалистическим.

Субъектом может быть всякое вменяемое лицо.

Наказание — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года. Наказание увеличивается до лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой при неоднократности преступления и при наличии тяжелых последствий. К таким последствиям закон относит приостановку или перерыв производства или другой тяжелый ущерб. Субъективное отношение виновного к последствиям должно выразиться в неосторожности. Если он желал этих последствий или безразлично относился к ним, то встает вопрос, не имеется ли в данном случае контрреволюционного умысла (ст. 58⁹ УК РСФСР). При обстоятельствах, предусмотренных ч. 2 ст. 79, может встать вопрос и о применении закона 7 августа 1932 г.

б) **Хищнический убой скота и лошадей.** В период борьбы за

коллективизацию сельского хозяйства сопротивление классово-враждебных элементов выражалось, между прочим, как в хищническом истреблении своего скота, так и в подстрекательстве к таким действиям неосознательных элементов. Санкция ч. 1 ст. 175 УК была явно недостаточной для борьбы с такого рода повреждением имущества. Поэтому постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 20 января 1930 г. УК был дополнен ст. 79¹.

Новелла предусматривала «хищнический убой и умышленное изувечение скота, а также подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему».

Объектом повреждения является скот, не только крупный, но и мелкий, при известных условиях — и принадлежащий самому виновному.

Повреждение должно быть не только умышленным, но и преследовать специальную цель, указанную в самом законе.

Субъектом может быть всякое вменяемое лицо.

Наказание — лишение свободы на срок до двух лет с высылкой из данной местности или без этого.

Аналогичная статья введена и в другие республиканские УК.

В борьбе за охрану и развитие животноводства СНК СССР и ЦК ВКП(б) распространили действие ст. 79¹ на случаи злого убоя единоличниками и колхозниками заcontractованных у них телок и другого скота (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 14 августа и 5 ноября 1933 г. — СЗ 1933 г., № 52, ст. 303 и № 66, ст. 395), на случаи забоя племенного и высокопроизводительного скота и приплода от него (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 27 апреля 1935 г. — СЗ 1935 г., № 22, ст. 168) и другие подобные случаи.

Постановлением 29 апреля 1932 г. УК РСФСР был дополнен ст. 79³, предусматривающей в ч. 1 умышленный убой и изувечение лошадей, принадлежащих частным лицам. В качестве субъекта преступления указывались кулаки или частные скупщики.

Наказание — лишение свободы на срок до двух лет с высылкой или без нее.

По ч. 2 ст. 79³ преследовались те же действия в отношении лошадей, принадлежащих колхозам, совхозам, машинноконным станциям и другим учреждениям и предприятиям обобщественного сектора.

Субъект преступления — работники указанных хозяйств и предприятий и члены колхозов.

Наказание — исправительно-трудовые работы на срок до одного года.

в) **Повреждение сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота.** Преступно-небрежное отношение к сельскохозяйственному инвентарю квалифицируется при неоднократности или причинении крупного ущерба (ч. 2 ст. 79² УК РСФСР).

Наказание — лишение свободы на срок до трех лет.

г) Преступно-небрежное обращение с лошадьми считается квалифицированным преступлением в тех случаях, если оно но-

сило систематический характер или повлекло за собой потерю значительного количества лошадей (ч. 2 ст. 79¹ УК РСФСР).

Субъектом преступления, предусмотренного ст. ст. 79² и 79⁴, могут быть только рядовые работники совхозов и других предприятий и рядовые колхозники. Должностные лица совхозов и колхозов отвечают за халатное отношение к службе.

Наказание — лишение свободы на срок до трех лет.

4. *Повреждение, квалифицированное по способу действий.* Общеопасное повреждение имущества есть умышленное или неосторожное повреждение его общеопасным способом. Общеопасность заключается в том, что виновный приводит в действие такие силы, которыми легко управлять в начале их действия, но с которыми виновный не в состоянии справиться в дальнейшем. Такими силами являются огонь, взрывчатые вещества, массы воды, снега. Применение этих «стихийных» сил связано с опасностью для неопределенного количества имущественных и даже личных благ.

Общеопасное повреждение может быть как умышленным, так и неосторожным.

а) Советское уголовное право не предусматривает общего состава *неосторожного общеопасного повреждения*. Только в ст. 108 УК РСФСР говорится о неисполнении или нарушении при производстве строительных работ установленных законом или распоряжением власти противопожарных правил. Нарушение или неисполнение этих правил, повлекшее за собой тяжелые последствия, карается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до трех тысяч рублей.

Вследствие отсутствия общего состава неосторожного общеопасного повреждения Верховный Суд СССР в 1931 г. разъяснил, что причинение по неосторожности пожаром истребления или повреждения имущества совхозов, колхозов и машиннотракторных станций является, по существу, одним из видов преступно-небрежного отношения к этому имуществу. Поэтому Верховный Суд предложил применять в этих случаях по аналогии ст. 79² УК РСФСР о преступно-небрежной порче или поломке тракторов и сельскохозяйственных машин.

б) *Умышленное общеопасное повреждение* советское уголовное право определяет как умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам, совершенное путем поджога, затопления или каким-либо иным общеопасным способом (ч. 2 ст. 175 УК РСФСР).

Объектом повреждения является имущество, принадлежащее частным лицам, причем не только чужое, но и собственное.

С объективной стороны повреждение характеризуется тем, что оно производится с помощью стихийных сил природы. УК указывают на поджог, затопление или какой-либо иной способ действия.

Не всякое повреждение имущества посредством огня будет поджогом в смысле УК. Можно бросить вещь в печку, в костер и тем повредить или уничтожить ее, но это не будет поджогом.

Только когда поджог угрожал жизни или здоровью третьих лиц или другому имуществу, можно говорить о поджоге как общепасном способе повреждения имущества.

При «затоплении» используется действие больших масс воды. Повреждается плотина, ирригационные сооружения, и хлынувшей водой затапливаются дома, дороги, пашня и т. п. Но под затопление подойдет и погружение в воду самого предмета повреждаемого. Например, в подводной носовой части баржи подпиливаются доски, при буксировке напором воды они выламываются, и хлынувшая в отверстие вода затопляет баржу.

На поджог и затопление закон указывает лишь в качестве примеров общепасного способа повреждения. Такого рода повреждение может быть выполнено любым общепасным способом, например, взрывом. Устройство обвала, приведение в действие снежных лавин, эпидемическое заражение растений, скота — все это общепасные способы повреждения имущества.

Оконченным общепасное повреждение, как и всякое другое повреждение, считается с того момента, когда вещь не может без ремонта выполнять свое хозяйственное или социальное назначение. Например, поджог должен считаться законченным, когда воспламенилась хотя бы незначительная часть строения. Деятельность, предшествующая моменту поджога, составит покушение, например, зажигание подложенных горючих материалов. Подготовка горючих материалов для поджога, без их подожжения, составит приготовление к поджогу.

С субъективной стороны повреждение должно быть умышленным. Виновный сознает, что он прибегает к общепасному способу повреждения имущества, и жалеет этого или относится безразлично к тому, что имущество повреждается таким способом.

С субъективной стороны в отношении последствий виновный может действовать умышленно или неосторожно. Но если виновный прибегнул к общепасному способу повреждения имущества в целях убийства кого-либо, то он должен по совокупности отвечать и за убийство и за общепасное повреждение имущества.

В тех случаях, когда виновный, прибегая к общепасному способу повреждения имущества, не предвидел и не мог предвидеть наступления последствий в виде человеческих жертв или общественного бедствия (ч. 3 ст. 175), то, на основании общего положения об умысле и неосторожности (ст. 10 УК РСФСР), он не отвечает за эти последствия.

Субъектом общепасного повреждения может быть всякое вменяемое лицо.

Наказание по ч. 2 ст. 175 — лишение свободы на срок до пяти лет. Наказание повышается до десяти лет лишения свободы, если общепасное повреждение повлекло за собой «человеческие жертвы или общественное бедствие» (ч. 3 ст. 175). Под человеческими жертвами следует понимать и наступление смерти хотя бы одного человека, под общественным бедствием — уничтожение имущества в значительных размерах, повреждение имущества, принадлежащего многим лицам, и т. п.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА АВТОРСКИЕ ПРАВА

§ 1. Общее понятие

В советской уголовно-правовой литературе до последнего времени довольно прочно удерживалось наименование преступлений, направленных против прав изобретателя, против прав автора литературного, научного, музыкального и иного художественного произведения,—«посягательствами против исключительных прав». Такого рода терминология не дает правильного представления о существе этих прав. Права эти имеют безусловно особенный характер. Им присущ не только имущественный, но и глубоко личный характер — право на авторство изобретения, на литературное, художественное и т. п. произведение. Но исключительность права на извлечение имущественных выгод от своего авторства, исключительность права распоряжаться своим изобретением или произведением является условной. Да иначе и не может быть в условиях социалистического общества.

В конструкции так называемых исключительных прав также сказывается принципиальное отличие советского права от буржуазного.

В беседе с английским писателем Уэллсом товарищ Сталин сказал: «Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет»¹.

Отличие советского социалистического права от права буржуазного сказалось уже в союзных Основах авторского права 1928 г. Чрезвычайно ярко выражено оно в союзном Положении об изобретениях и технических усовершенствованиях 1931 г.

Постановление ЦИК и СНК СССР 9 апреля 1931 г., которым Положение вводилось в действие (СЗ 1931 г. № 21, ст. 180), содержа-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 602.

ло следующее введение: «В реконструктивный период овладение техникой и дальнейшее ее развитие имеют решающее значение для успешности социалистического строительства. Социалистическая индустриализация дает огромный, невозможный при капиталистическом строе, простор развитию технического творчества рабочих масс. Массовое изобретательство является одной из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической рационализации производства и внедрении новой техники в народное хозяйство СССР.

§ 2. Уголовно-наказуемые нарушения Положения об изобретениях

1. Объем уголовно-наказуемых нарушений Положения 1931 г. может быть установлен путем анализа самого Положения.

Ст. 6 постановления о введении в действие Положения союзных республикам предложено было установить в уголовных кодексах ответственность за нарушения Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях.

При этом предлагалось предусмотреть:

а) за заявку за границей без надлежащего разрешения изобретений, сделанных в пределах Союза ССР, а также изобретений, сделанных за границей советскими гражданами, командированными государством, — исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф до одной тысячи рублей;

б) за передачу без надлежащего разрешения за границу изобретений, указанных в п. «а», — лишение свободы на срок до десяти лет с конфискацией всего или части имущества.

Постановление указывало, что заявка и передача за границу изобретений и усовершенствований, относящихся к государственной обороне, а также других изобретений и усовершенствований, признанных секретными, влекут за собой ответственность по ст. 6 Положения о государственных преступлениях (ст. 58⁶ УК РСФСР).

Кроме того, в ст. 80 самого Положения имеется указание на то, что «опубликование в печати сведений о секретных изобретениях и усовершенствованиях и разглашение их сущности каким бы то ни было способом воспрещается под страхом уголовной ответственности».

В связи с этими указаниями союзного закона республиканские УК пополнились соответствующими постановлениями, в частности УК РСФСР — ст.ст. 84-а и 84-б. В УК РСФСР эти составы отнесены к преступлениям против порядка управления, некоторые УК, например УК Узбекской ССР, отнесли их к преступлениям хозяйственным, УК Туркменской ССР — неправильно в главу об имущественных преступлениях.

Разбор указанных составов не входит в нашу задачу. Но Положение 1931 г. предусматривает составы, объектом которых в двух случаях является действительно нарушение авторского права изобретателя.

2. Подлог в авторстве есть заведомо ложное указание в заявке не действительного изобретателя, а третьего лица.

Этот состав установлен в Положении 1931 г., указывающем в ст. 9, что «привлекается к уголовной ответственности тот, кто в заявке заведомо неправильно укажет автора изобретения».

Объектом преступления является личное право изобретателя считаться автором своего изобретения. Это право принадлежит изобретателю, безразлично, претендует ли он на авторское свидетельство или на патент. Изобретение должно быть неразрывно связано с именем его автора. «В авторском свидетельстве или патенте, хотя бы выдаваемом не самому изобретателю, обязательно указывается имя изобретателя» (ст. 7 Положения). В этом заключается глубоко личное, нематериальное право изобретателя.

С объективной стороны подлог в авторстве заключается в том, что в заявке указывается не настоящий автор. Положение в интересах изобретателя строго регламентирует порядок заявки. Заявка о выдаче авторского свидетельства на изобретение может быть сделана только самим изобретателем, а в случае его смерти — его наследниками. По поручению изобретателя или его наследников заявка о выдаче авторского свидетельства должна быть сделана от их имени предприятием или учреждением, в котором они работают, и всяким органом по изобретательству, к которому данное изобретение по роду своему имеет отношение. Заявка о выдаче патента может быть сделана или самим изобретателем или его правопреемниками.

Действие виновного заключается в том, что им подается заявка с указанием не действительного автора изобретения, а кого-либо другого. Может быть указано как автор не только лицо, подающее заявку, но и какое-либо третье лицо. Для состава преступления это не имеет значения. Оконченным преступление является с момента подачи заявки. Не требуется, чтобы было получено авторское свидетельство или патент.

С субъективной стороны преступление требует прямого умысла. Закон говорит о «заведомо неправильном» указании автора в заявке. Виновный не только сознает, что он неправильно указывает автора, но и желает ввести в заблуждение органы по изобретательству. Мотивы могут быть и не корыстными, виновный может руководствоваться чувством недоброжелательства, мести.

Субъектом может быть всякое частное вменяемое лицо. Им может быть и сам изобретатель в случаях, когда он скроет авторство соизобретателя.

Положение не указывает санкции к этому составу. При изменении ст. 177 УК РСФСР после издания Положения 1931 г. этот состав остался не предусмотренным. Ст. 177 говорит только об «оглашении изобретения до заявки без согласия изобретателя».

Наказание — исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев или штраф до одной тысячи рублей. Санкция явно недостаточная, если ее применить к такому серьезному преступлению, как подлог в авторстве изобретения.

Правильнее разрешен вопрос в УК Узбекской ССР. В ч.ч. 1 и 2 ст. 174¹ он содержит составы, указанные в ст. 6 постановления о введении в действие Положения 1931 г., а в ч. 3 статьи предусматривает «иные, кроме указанных в 1 и 2 частях статьи, нарушения правил об изобретениях и технических усовершенствованиях», которые караются лишением свободы на срок до трех лет, или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года, или штрафом до трех тысяч рублей.

3. **Оглашение изобретения до заявки без согласия автора.** Положением 1931 г. указывает в ст. 46, что «оглашение изобретения влечет за собой уголовную ответственность».

Объектом является личное право автора решать вопрос, нужно ли ему делать заявку или же еще необходимо поработать над изобретением. Всякое преждевременное оглашение изобретения нарушает интересы автора.

Оглашение может быть произведено как путем печати, так и иным путем.

Закон ничего не говорит о том, что оглашение должно быть умышленным, но по характеру преступления уголовно-наказуемым является лишь умышленное разглашение.

Субъектом его может быть всякое вменяемое частное лицо.

Указанный состав предусмотрен в УК РСФСР (ст. 177) и в других республиканских кодексах.

4. **Неправомерное использование изобретения, право осуществления которого принадлежит государству.**

В тех случаях, когда на изобретение выдается авторское свидетельство, право использования изобретения в пределах СССР принадлежит государству. На равных правах с государственными органами кооперация и другие общественные организации могут использовать те изобретения, которые относятся к кругу их деятельности.

Сам изобретатель (или его наследник), если он кустарь или частный предприниматель, может использовать изобретение в своем предприятии. Прочие лица могут использовать изобретение лишь с разрешения соответствующих государственных органов.

Таким образом, изобретатель, получивший авторское свидетельство, отнюдь не имеет исключительного права на использование своего изобретения. По общему правилу, использует изобретение само государство. Изобретатель зато имеет право на вознаграждение от государства, не говоря уже о льготах, предоставляемых ему согласно Положению 1931 г.

Отсюда понятно постановление ст. 9 Положения, согласно которому «привлекается к уголовной ответственности тот, кто неправомерно использует изобретение, право осуществления которого принадлежит государству». И далее, ст. 9 говорит: «Тот, кто нарушит исключительное право лица, имеющего патент на изобретение, обязан возместить ему причиненные убытки».

Объектом преступления является, таким образом, не право изобретателя, а право государства на использование изобретения. Что касается «исключительного права» патентодержателя, то

закон совершенно ясно указывает, что нарушение влечет за собой гражданскую ответственность.

Закон говорит о «неправомерном» использовании, то есть использовании теми лицами, которым закон не разрешает использование изобретения наряду с государственными органами. Под использованием следует понимать извлечение имущественных выгод.

О субъективной стороне закон не говорит. По своему характеру преступление должно быть умышленным.

В ст. 177 УК РСФСР данный состав не предусматривается.

§ 3. Уголовно-наказуемые нарушения авторских прав на литературные, музыкальные и иные художественные и научные произведения

1. УК РСФСР 1922 г. не охранял авторских прав. В качестве преступления он предусматривал в ст. 101 лишь «самовольное издание, размножение с целью сбыта литературных, музыкальных и вообще художественных произведений, признанных достоинством республики». Не предусматривали уголовно-правовой охраны авторских прав и союзные Основы авторского права 30 января 1925 г. (СЗ 1926 г. № 7, ст. 67), а также и постановление ВЦИК и СНК РСФСР 11 октября 1926 г. об авторском праве (СУ 1926 г. № 72, ст. 567).

В УК РСФСР 1926 г. ст. 177 предусмотрела «самовольное использование литературных, музыкальных и иных художественных или научных произведений с нарушением закона об авторском праве», с санкцией в виде исправительно-трудовых работ на срок до трех месяцев или штрафа до одной тысячи рублей. Аналогичный состав предусматривался и другими республиканскими кодексами.

Постановлением о введении в действие союзных Основ авторского права 16 мая 1928 г. (СЗ 1928 г. № 27, ст. 246) союзным республикам предложено было предусмотреть в УК ответственность за нарушения авторского права.

К сожалению, в отличие от Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях 1931 г., Основы авторского права не указали ни одного конкретного состава. Не сделало этого и постановление ВЦИК и СНК РСФСР об авторском праве 8 октября 1928 г. Наличие в УК ст. 177 было признано, очевидно, достаточным.

Между тем, состав преступления, обрисованный в ст. 177, не отличается достаточной четкостью, а имеет слишком общий характер. Не всякое самовольное использование чужого авторского права должно считаться наказуемым. В этом отношении более уточнен состав в УК Узбекской ССР, который говорит о самовольном пользовании из корыстных или иных видов (ст. 248). Но все же и эта формула страдает тем недостатком, что она не конкретизирует отдельные случаи использования чужого авторского права.

2. Объем уголовно-наказуемых нарушений авторского права может быть установлен лишь путем анализа союзных Основ авторского права и сущности этого права. Большую помощь при этом анализе оказывают принципиальные установки Положения об изобретениях 1931 г.

Основы называют авторское право «исключительным». Этот момент выражается в том, что «автор имеет исключительное право под своим именем, или под условным именем (псевдонимом), или без обозначения имени (анонимно) выпустить в свет свое произведение и в течение установленного в законе срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его, а равно извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из названного исключительного права» (ст. 7).

В этом принципиальном определении на первом месте поставлены не имущественные интересы, а личные права автора — его право на авторство созданного им произведения. Это право является неотъемлемым.

Основы признают авторское право на произведение, если это произведение появилось в свет на территории Союза ССР или же находится на этой территории в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме.

Согласно Основам, авторское право распространяется на всякое произведение литературы, науки и искусства, каковы бы ни были способ и форма его воспроизведения, а равно его достоинство и назначение, как-то: устные произведения (речи, лекции, доклады и т. п.); письменные произведения (книги, статьи, сборники и др.); произведения драматические и музыкально-драматические и т. п.

Неотъемлемый характер авторского права устанавливается ст. 18 Основ: «Издатель и зрелищное предприятие не вправе по своему усмотрению вносить при жизни автора без его согласия какие-либо дополнения, сокращения и вообще изменения ни в самое произведение, ни в заглавие его, ни в обозначение на нем имени автора. Издатель также не вправе при жизни автора без его согласия снабжать его произведения иллюстрациями».

В отличие от Основ 1925 г., не признававших пожизненности авторских прав, ныне действующие Основы устанавливают ее, за небольшими исключениями (авторское право на кинематографические сценарии и киноленты, на фотографические произведения, авторское право издателей журналов и других повременных изданий, энциклопедических словарей). В этой пожизненности прав сказывается неразрывная связь произведения с личностью автора.

Авторские права в других отношениях являются относительными. Ст. 20 Основ устанавливает принципиальное положение: «Авторское право на всякое произведение может быть выкуплено принудительным порядком правительством Союза ССР или правительством той союзной республики, на территории которой данное произведение впервые выпущено в свет или находится в виде рукописи, эскиза или в иной объективной форме».

Исключительному праву автора использовать свое произведение сами Основы противопоставляют ряд существенных ограничений, перечисленных в ст. 9. Следует, например, отметить, что не считается нарушением авторского права перевод чужого произведения на другой язык. За такие переводы автор произведения не имеет права требовать вознаграждения. Положение вполне понятное, вытекающее из всей нашей политики в национальном вопросе и вопросах культуры. Можно исполнять, далее, в учреждениях культурно-просветительного характера чужие неизданные драматические, музыкальные и т. п. произведения, при условии невзимания платы с посетителей.

3. *Подлог в авторстве* (плагиат или литературная кража) есть умышленное воспроизведение чужого произведения под своим именем или именем третьего лица. Подлог в авторстве литературного и т. п. произведения есть наиболее серьезное преступление против авторского права. В этом он вполне сходен с подлогом в авторстве изобретения. Закон об авторском праве РСФСР указывает в ст. 11, что «авторское право подлежит защите от нарушения также и в тех случаях, когда с нарушением его не связаны определенные интересы».

Объектом посягательства является личное право автора на свое произведение. Выше было указано, как точно и определенно зафиксировано это право в союзных Основах.

С объективной стороны подлог в авторстве выражается в воспроизведении чужого произведения под своим именем или именем третьего лица. Воспроизведение может выразиться в издании произведения, в исполнении его на сцене и т. п. Не обязательно, чтобы виновный воспроизвел чужое произведение под своим именем, он может использовать и имя третьего лица, псевдоним, — этим он одинаково нарушает авторские права. В известных случаях даже анонимное воспроизведение чужого труда явится подлогом в авторстве. Наиболее ярким случаем подлога будет воспроизведение чужого труда полностью, выдача какого-либо литературного, научного и т. п. труда за свой. Случаи такого грубого подлога довольно редки. Чаще виновный прибегает к известной маскировке, вносит известные изменения. Основы не считают нарушением пользование чужим произведением для создания нового произведения, существенно от него отличающегося. Насколько новое произведение существенно отличается от старого, является вопросом факта.

Основы не считают нарушением авторского права помещение небольших отрывков и даже полную перепечатку незначительных по размеру литературных и иных произведений, но с обязательным указанием автора и источника заимствования. Закон об авторском праве РСФСР разъясняет, что под небольшими отрывками понимаются лишь те, которые по объему заимствования из произведений одного и того же автора не превышают в общей сложности в произведении под одним названием 10 000 типографских знаков для прозы и 40 строк для стихотворений. Из капитальных научных трудов допускается перепечатка до 40 000 ти-

пографских знаков. Капитальными научными трудами считаются состоящие не менее как из 30 печатных листов.

Подлог в авторстве может, таким образом, выразиться и в том, что виновный заимствует из чужого произведения, не указывая ни автора, ни источника заимствования. Здесь решает то, какой удельный вес в произведении в целом играют эти заимствования.

Оконченным преступление должно считаться с момента воспроизведения продукта чужого творчества. Передача чужой рукописи под видом своей в редакцию составит покушение на подлог в авторстве.

С субъективной стороны преступление может быть только умышленным. Мотивы для состава безразличны, подлог может быть совершен как из корыстных целей, так и по другим мотивам, например, из тщеславия.

Субъектом может быть всякое вменяемое лицо, в том числе и автор, в случаях, когда он скрывает соавторство другого лица.

Описанный состав вполне охватывается ст. 177 РСФСР.

Наказание, установленное этой статьей, — исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев или штраф до одной тысячи рублей, — является, конечно, не соответствующим серьезности преступления.

4. *Контрафакция* есть умышленное использование чужого произведения вопреки воле автора.

Объектом преступления является личное право автора на то, чтобы его произведение не было воспроизведено или изменено без его согласия. Об этом праве уже сказано выше.

С объективной стороны контрафакция состоит в воспроизведении или изменении чужого произведения. Использование может выразиться в издании произведения, исполнении на сцене, выставлении его на публичной выставке и т. п. Произведение должно быть использовано вопреки воле автора. Автор может желать, чтобы его произведение, поскольку авторское право на него не выкуплено государством или не ограничено в чем-либо законом, вообще не использовалось или же не использовалось способом, для автора не желательным.

Дополнения, сокращения и вообще изменения, о которых говорят Основы, должны касаться существенных сторон произведения. Чисто стилистические исправления в научных или публицистических произведениях не нарушают прав автора. За такого рода исправления, хотя бы они были произведены и без ведома автора, последний может быть только благодарен. В журналах и вообще в повременных изданиях автор обычно заранее ставится в известность, что редакция сохраняет за собой право на сокращение статьи.

С субъективной стороны контрафакция может быть только умышленной. Виновный сознает, что он воспроизводит или изменяет чужое произведение вопреки воле автора и желает этого использования. Обычно контрафакция совершается по корыстным мотивам.

Субъектом может быть всякое вменяемое лицо.

Описанный состав контрафакции вполне охватывается ст. 177 УК РСФСР.

5. Уголовно-правовая охрана авторских прав как таковых вполне исчерпывается такими составами, как плагиат и контрафакция. Чисто имущественные интересы автора вполне достаточно охраняются в гражданском порядке. «Убытки, причиненные нарушением авторского права, подлежат, — как указывает ст. 19 Основ, — возмещению согласно законодательству союзных республик». Надо иметь кроме того в виду, что имущественные интересы автора охраняются и общими постановлениями о краже, мошенничестве. Кража рукописи охватывается общим понятием о краже, автор может быть при уступке своих прав злобно обманут и т. п. Охраняются имущественные интересы автора и постановлениями о должностных преступлениях. Так, руководители зрелищных предприятий могут быть привлечены к ответственности по ст.ст. 109 или 111 УК РСФСР за систематическую задержку выплаты авторского гонорара и т. д.

Интересы государства, к которому перешли авторские права, должны быть также охранены. В этом отношении заслуживает внимания УК Узбекской ССР. Он предусматривает в ст. 114 среди преступлений против порядка управления «самовольное издание, разможжение с целью сбыта литературных, музыкальных и вообще художественных произведений, признанных достоинством республики». Наказывается это преступление исправительно-трудовыми работами на срок до одного года с конфискацией имущества или без этого. Совершенно правильно это преступление рассматривается не как нарушение авторских прав.

§ 4. Нарушения правил о производственных марках и товарных знаках и права на фирму

1. Ст. 178 УК РСФСР предусматривает «самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием».

Наказание — исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до трех тысяч рублей.

Этот состав, имеющийся и в других республиканских УК, полностью перенесен из УК РСФСР 1922 г., изменена только санкция, которая устанавливала исправительно-трудовые работы на срок до одного года или штраф в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

Уже одно упоминание «недобросовестной конкуренции» характеризует время происхождения этого состава, когда необходимо было принимать меры против злоупотреблений со стороны частного капитала. Союзный закон 12 февраля 1926 г. (СЗ 1926 г. № 11, ст. 80) в ст. 1 говорил о «праве владельцев всех торговых и промышленных предприятий пользоваться товарным знаком», ст. 1 союзного закона 7 марта 1936 г. «О производственных марках и товарных знаках» (СЗ 1936 г. № 13, ст. 113) предписы-

вает: «Все предприятия государственной промышленности, артели (товарищества) промысловой кооперации и кооперации инвалидов, а также предприятия общественных организаций обязаны снабжать выпускаемые ими изделия производственными марками». Издан закон 1936 г. «в целях усиления ответственности производственных предприятий за качество выпускаемых ими изделий и обеспечения покупателю возможности выбора продукции хорошо зарекомендовавших себя предприятий».

В законе 1936 г. речь идет только о предприятиях государственных и общественных.

В ст. 3 указывается, что «выпуск изделий без снабжения их производственной маркой влечет за собой привлечение директора производственного предприятия к дисциплинарной или уголовной ответственности». Здесь имеется в виду уголовная ответственность не по ст. 178 УК, а за должностные преступления.

Других составов закон 1936 г. не предусматривает. В ст. 19 указывается, что «владелец свидетельства на право исключительного пользования товарным знаком может в течение всего срока действия свидетельства требовать через органы суда или арбитража, по принадлежности, прекращения незаконного пользования тождественным или сходным товарным знаком со стороны других организаций и предприятий и возмещения причиненных ему убытков».

Закон предоставляет, на началах взаимности, иностранным юридическим лицам и гражданам регистрировать в Союзе ССР свои товарные знаки. Закон 1936 г. обеспечивает их охрану в порядке ст. 19, но ни о каком применении ст. 178 УК не может быть и речи.

Вообще после издания союзного закона «О производственных марках и товарных знаках» ст. 178 УК РСФСР и соответствующие статьи других республиканских кодексов, в части, говорящей о «товарных, фабричных и ремесленных знаках», на основании ст. 20 Сталинской Конституции должны считаться утратившими свою силу как противоречащие общесоюзному закону.

2. Равным образом, ст. 178 должна считаться утратившей свою силу и в части уголовно-правовой охраны *рисунков и моделей*. Союзный закон 27 мая 1936 г. (СЗ 1936 г. № 29, ст. 270) отменил постановление ЦИК и СНК Союза ССР 12 сентября 1924 г. «О промышленных образцах (рисунках и моделях)». Выданные на основе указанного постановления свидетельства должны считаться, как указывает закон, отмененными.

3. До настоящего времени действует союзное Положение о фирме 22 июня 1927 г. (СЗ 1927 г. № 40, ст. 395). Согласно этому Положению право на фирму состоит «в праве исключительного пользования фирменным наименованием при совершении сделок, а также на вывесках предприятия, их упаковке и т. п.», счетах, на товарах предприятия, их упаковке и т. п.».

Согласно Положению 1927 г., право на фирму предоставляется не только государственным и общественным, но и частным предприятиям. Упоминание о последних в настоящее время утратило

практическое значение. Следует признать, что и в отношении государственных и общественных предприятий Положение о фирме в значительной мере поглощено законом 1936 г. «О производственных марках и товарных знаках», так как марки и знаки должны, между прочим, содержать «наименование (полное или сокращенное) предприятия и наименование (полное или сокращенное) народного комиссариата, центрального управления или кооперативного центра, в систему которого входит данное предприятие».

Ст. 11 Положения предоставляет всякому обладающему правом на фирму право требовать в судебном порядке прекращения пользования тождественной или сходной фирмой, а равно возмещения убытков, причиненных таким использованием, поскольку данное право на фирму возникло раньше и поскольку вследствие тождества или сходства фирм возникает возможность их смешения. Кроме того, в ст. 14 указывается, что «нарушение правил настоящего Положения влечет за собой ответственность согласно законодательству союзных республик». Имеется в виду и уголовная ответственность.

Объектом преступления является исключительное право на фирму в указанном выше смысле.

Объективная сторона заключается в самовольном пользовании чужим фирменным наименованием при совершении сделок, на вывесках, бланках и т. п.

С субъективной стороны преступление должно быть умышленным. Необходима, кроме того, и специальная цель — использовать чужое фирменное наименование «для недобросовестной конкуренции».

Субъектом может быть всякое вменяемое физическое лицо.

Наказание по ст. 178 УК — исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до трех тысяч рублей. Но если частное лицо использует фирменное наименование государственного или общественного предприятия, — оно отвечает за мошенничество.

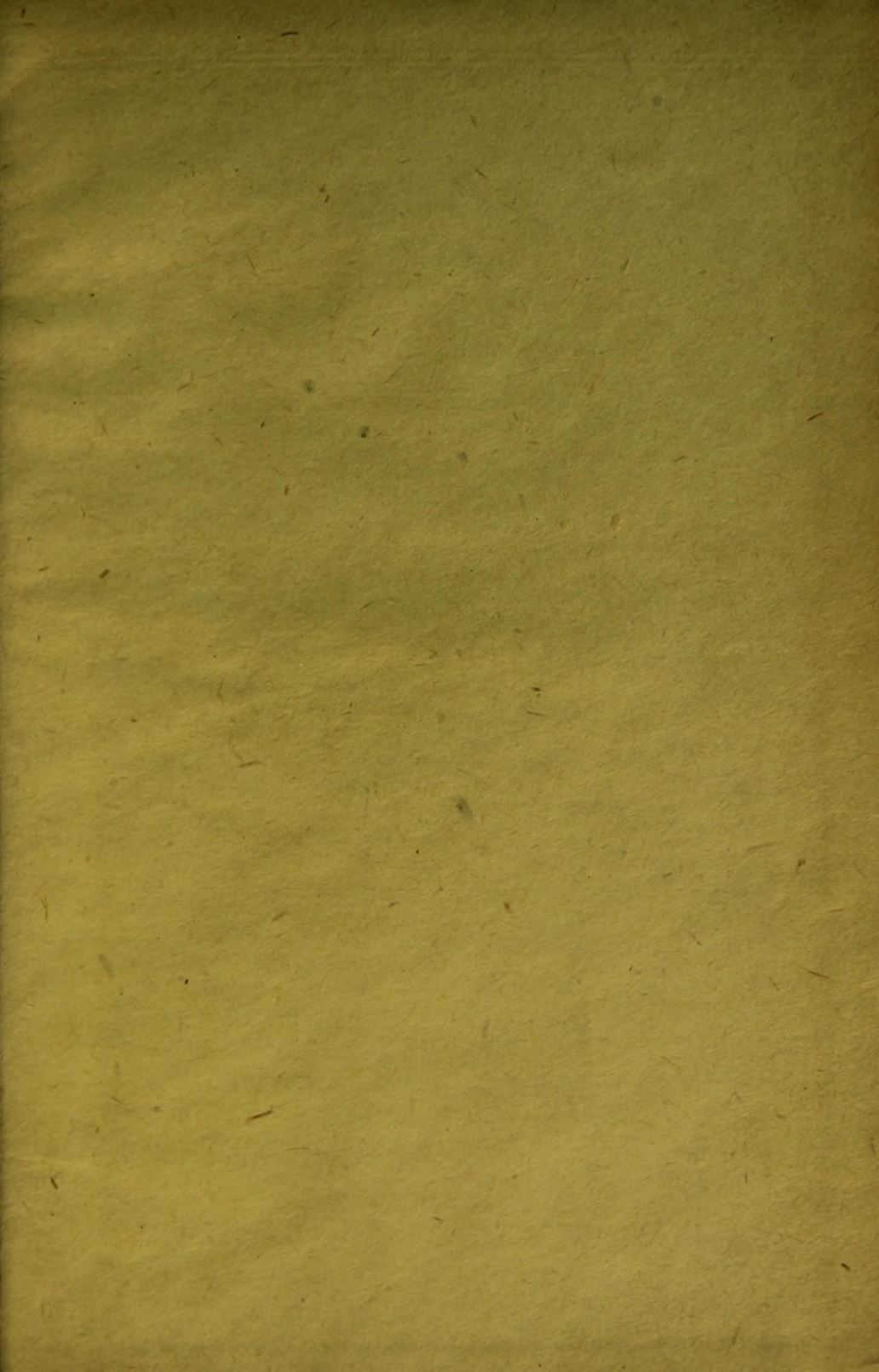
Цена 1 руб. Переплет 75 коп.

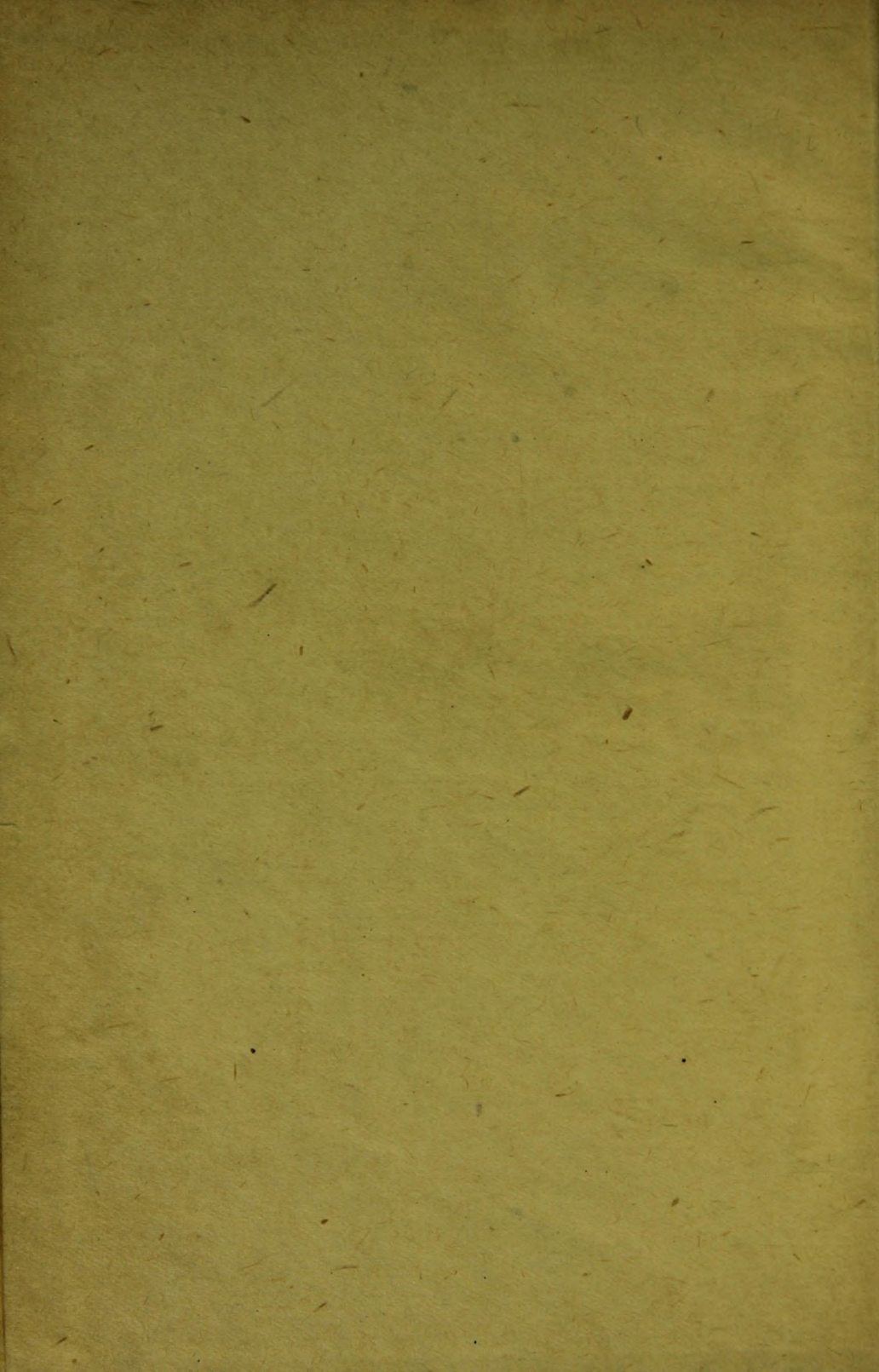
Редактор А. Н. Иодковский
Корректор С. М. Ратомская

Технический редактор Л. Т. Васильев
Обложка худ. В. С. Резникова

Сдано в производство 25/VI 1938 г. Подписано к печати 19/VII 1938 г. III квартал 1938 г. Изд. № 56.
Индекс Ю-2. Тираж 20000 экз. Заказ 3530. Формат 60 х 92 в 1 $\frac{1}{4}$ долю. 5,5 печ. л. 6,17 уч.-авт. листов.
В 1 бум. л. 98000 зн. Уполномоченный Главлита № Б-42718.

17-я ф-ка нац. книги ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Шлюзовая наб., 10.

Цена 1 руб. 75 коп.

М. 9671 .